

Василий Боярков

**ЛЕГЕНДА
о капитане
Бероевой**

16+

Василий Боярков
Легенда о капитане Бероевой

«Автор»

2019

Боярков В.

Легенда о капитане Бероевой / В. Боярков — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-93866-3

Чтобы изучить некое таинственное явление, на Северный полюс снаряжается совместная российско-американская экспедиция. Через какое-то время полярная станция оказывается во власти необъяснимых явлений, знаменующих себя чередой жестоких убийств, загадочных и странных, не поддающихся никакому нормальному восприятию. Сумеет ли кто-нибудь вычислить и обезвредить хитроумного, безжалостного убийцу?

ISBN 978-5-532-93866-3

© Боярков В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Арктический кризис	14
Глава I. Прибытие	14
Глава II. Совещание	19
Глава III. Прогулка	24
Глава IV. Уже четыре	30
Глава V. Союзник	35
Глава VI. Находка	40
Глава VII. Шестой	46
Глава VIII. Орудие преступления	51
Глава IX. На Северный полюс	56
Глава X. Пришельцы	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Василий Боярков

Легенда о капитане Бероевой

Пролог

Год 2017-й. Самый конец ноября. Вечер. По Ленинградскому проспекту города Москвы на бешеной скорости несётся британский автомобиль «рендж ровер» чёрного цвета. Им управляет мужчина среднего роста (хотя ближе всё же к высокому); выглядит он лет эдак на тридцать (может, чуть больше); подтянутая фигура не выделяется грузной тучностью, но имеет массивные формы – развитым внешним видом она передает образ сильного, уверенного в себе, человека; волевые серо-голубые глаза излучают расчётливый ум, удивительное бесстрашие и негибкую решимость. Сосредоточенное лицо, ненапряжённые движения при маневрировании – они только лишней раз подтверждает то первое впечатление, какое складывается о его видимой неустрашимости и твёрдом характере. Одет незнакомец в теплую болоньевую куртку, удобные синие джинсы и коротенькие зимние полусапожки. Сбоку, на пассажирском сидении, лежит восьмизарядный пистолет «Beretta», изготовленный в далёкой Италии.

Странный субъект куда-то явно спешит, если, нарушая дорожные правила, гонит с предельной скоростью, целиком поправ как законные требования, так и врождённый инстинкт безопасности.

Что же послужило истинной причиной, казалось бы, бессмысленного и неоправданного (на первый взгляд) поведения?

Утром того же дня в студёных водах Москва-реки обнаружили неопознанный труп, принадлежавший неизвестному человеку, убитому накануне. По отпечаткам, снятым с окоченевших пальцев, в кратчайшие сроки выяснили, что выловленный покойник является ранее судимым Варнаевым Игорем Прохоровичем 1961 года рождения, по преступному псевдониму Зубатый. Согласно криминального «послужного списка», отчётливо следовало, что не прошло и одной недели, как он освободился из мест «не столь отдалённых», где отбывал назначенный срок, выразившийся в виде десяти лет тюремного заключения.

При жизни типичный уголовник отличался значительным ростом и выглядел коренастым. Несмотря на зрелый возраст, он смотрелся излишне подвижным и отмечался периодическими подёргиваниями, неестественными для нормального человека. Говоря о его непривлекательной внешности, особенно выделялись следующие основные особенности: худощавое, неприятно осунувшееся лицо бороздилось многочисленными, въевшимися в кожу морщинами (по-видимому, от постоянного употребления крепкого «чефира» и дешевого табака?); взгляд закоренелого преступника виделся волчьим и выражал ту непомерную алчность, что у людей криминального толка направлена на поиски очередной беспомощной жертвы, пригодной для корыстных, а в чём-то и безжалостных помыслов; короткая стрижка, поношенная куртка и застиранные штаны завершали зловредный облик, ожесточённый и беспринципный.

Не имея личного жилья и каких-нибудь близких родственников, бывший заключённый сразу же направился к Маркову Михаилу Николаевичу, являвшемуся в далёком прошлом его преступным поделщиком и сопровождавшим в одном опасном и незаконном «бизнесе». Каким? Вдвоём они занимались систематическими грабежами, вооружёнными разбоями – нападали на квартиры одиноких старушек и стариков, где после несравненно жестоких пыток похищали все кровные сбережения. Когда усердным оперативникам МУРа удалось напасть на след отъявленных и подлых мерзавцев, за гнусными злодеями значилось множество исковерканных судеб и более пяти миллионов рублей материального ущерба, причинённого пострадавшим людям. Всю основную вину взял на себя Варнаев. Нетрудно понять, украденные деньги

(по понятным причинам) так и не были обнаружены: ими распорядился оставшийся на свободе Марков, который открыл солидную фирму, занимавшуюся перепродажей подержанных иностранных автомобилей; очень скоро дела его пошли в гору. Невзирая на исключительное везение и значительно продвинутый бизнес, он не забыл бывшего товарища и периодически помогал тому выживать в тюремных условиях, высылая пищевые продукты и предметы личной гигиенической надобности. С другой стороны (что бы для бывшего «компаньона» не делалось), Михаил хорошо себе представлял, что рано или поздно прежний соучастник вернется «на волю», а следовательно, потребует вторую часть награбленных денег (ради коих, собственно, он и пошёл на бесславную, огромную жертву, а заодно благополучно «отмазал» другого бандита) – к справедливому дележу благодарный предприниматель был абсолютно готов и ждал его с нескрываемым нетерпением.

Итак, когда освободившийся сиделец появился в главном офисе более молодого подельника (тот сидел в комфортабельном кабинете и внимательно отслеживал видеонаблюдение), он поразился тому невероятному размаху, с каким его криминальному сообщнику удалось развернуться за время его длительного отсутствия. Он осматривал респектабельное предприятие настолько алчным, корыстным взглядом, что бывший соратник интуитивно напрягся. Марков «переродился» в пристойного владельца крупного автосалона, занимавшегося легальной реализацией новых заграничных автомобилей, и обострённый интерес закоренелого зека являлся ему явно не по душе. Впрочем, особого вида осторожный мужчина не показал; напротив, вопреки той откровенной неприязни, что возникла от навязчивых мыслей Зубатого, он (как только доложили о прибытии бывшего криминального соучастника) широко распахнул позолочённую дверь, позволявшую попасть в просторное рабочее помещение, и самолично выбежал встречать старинного друга, для пущей убедительности распростирая дружеские объятия.

Они холодно обнялись (что окружавшим сильно бросалось в глаза) и проследовали общаться в директорский кабинет, как принято говорить, без лишних ушей и ненужных свидетелей. Едва они остались наедине, благодарный дольщик достал небольшой металлический кейс, снабженный кодовыми замками, а распахнув его, представил на обозрение долгожданного гостя баснословное содержимое.

– Здесь ровно пять миллионов, – сказал он, пытаясь объяснить невольные процедуры, со стороны казавшиеся слишком поспешными, – то есть и твоя основная доля, и незначительная компенсация за годы, проведённые за решёткой.

– Деньги, конечно, хорошие, – придав желчной физиономии кислую мину, возразил Варнаев, отсидевший в тюрьме за обоих. – Но, понимаешь ли, какая существует обидная штука, хм?.. Значит, пока я «чалился» там, на промозглой зоне, ты здесь вовсю развлекался с хорошенькими девчонками и тратил наши общие денежки на создание завидного, успешного бизнеса.

– Тебе, что ли, мало? – прервал Марков скользкого сотоварища. – Скажи сколько, и я непременно добавлю. Только у меня к тебе убедительная просьба: дополнительные требования «заявляй» в разумных пределах.

Михаил презрительно улыбнулся, что не ускользнуло от зоркого глаза прожжённого собеседника. Он одарил торопливого бизнесмена аналогичной мимикой и не замедлил продолжить:

– А ты, Мишаня, меня не перебивай и тогда, если будешь достаточно терпеливым и дослушаешь до конца, сразу поймешь, что требования мои ничуть не безосновательные, не лишённые здравого смысла.

– Говори – я послушаю, – сделавшись озабоченным, предложил Михаил и приготовился настороженно слушать.

– Так вот, что, Мишаня, я тебе расскажу: лет мне, сам понимаешь, уже «до хрена», то бишь навряд ли я уже создам в треклятой жизни что-либо значимое, ну? или хотя бы нормальное. С другого бока, тебе – не без моего, знаешь ли, прямого участия – удалось «набаш-

лять» отличное состояние, сколотить неплохое дельце, что меня с любой стороны безгранично устраивает...

– Что?! – выпучил глаза Марков. – Что ты хочешь сказать?..

– Я же предупредил – потерпи, – ехидно, словно плотоядный хищник, готовый к броску, заулыбался Варнаев, – отдашь мне половину автомобильного бизнеса, а «апося» справедливого, финального акта мы будем – как есть! – в полнейшем расчете. Поверь, никакую другую цену за то незавидное положение, что впустую «прожег» нехилую часть драгоценной жизни, я у тебя не приму.

Несложно догадаться, предложенная перспектива (иметь в ближайших компаньонах судимого человека) Михаилу совершенно «не улыбалась», и он попробовал возразить:

– Но я сейчас честный, порядочный человек, и наше непосредственное общение сильно навредит моей репутации, создаваемой долгими годами и на сегодняшний день практически безупречной. Короче, я скажу тебе так: либо забирай причитающиеся «бабки», либо проваливай. И вот тогда!.. Не получишь совсем ничего – так и знай! Шутить и пререкаться на очевидные вещи я всё едино не собираюсь, потому как считаю сие занятие неблагодарным, всецело бесперспективным.

– Она ты как, Мишаня, заговорил! – растопыривая пальцы (указательный и мизинец кверху, средний и безымянный прижаты большими к ладоням) и вытягивая вперед зловредную рожу, хриплой интонацией заголосил шальной посетитель. – А ты знаешь «вааще», что такое тюремная жизнь?.. А как там тянутся унылые дни – тебе ведомо?! В общем, так, «милый друг», – вставая и глядя былому подельнику прямо в глаза, настаивал бывший сиделец на озвученном требовании, – либо ты сделаешь меня прямым совладельцем, либо я продам твою безмозглую голову и наш совместный бизнес авторитетным браткам!.. Думаю, станется справедливо.

Он резко привстал, размашисто обернулся и уверенной походкой направился к выходу. Марков, едва осознал все тягостные последствия, возникавшие с высказанной угрозой, исходившей от опасного, злобного посетителя, прекрасно понял, что в настоящем случае (как, впрочем, и в любом из предложенных вариантов) его успешный бизнес немедленно провалится в тартарары. Не желая стать заложником прискорбного положения, он вскочил как ужаленный и бросился догонять разозлённого посетителя. Остановил он его, когда тот брался за ручку входной двери и, раздражённый, готовился её открывать.

– Послушай, Зубатый, – начал он, меня уверенную речь на заискивающую, – ну, чего ты сразу «взандры» полез – простецких шуточек, что ли, не понимаешь? Конечно же, по общим понятиям я должен с тобой поделиться, а значит, так оно и будет – и в этом даже не сомневайся! Но ты же и сам «должон» понимать, что для такого сложного дела, как передача части имущества, мне необходимо подготовить правовую документацию.

– Сколько натянется реального времени? – настойчиво промолвил старый подельник.

– Два дня, – заверил предприниматель, всеми силами пытаясь удержать зловредного человека от непродуманных, деструктивных процессов, – через пару деньков всё будет готово, – скрепил и, стараясь расположить к себе жестокого посетителя, заманчиво подытожил: – Тебе денег на развратных девочек надо? Бери, сколько душа пожелает, – мы теперь равноправные компаньоны.

На всякий случай отстраняясь от продуманного проныры подальше и прикидывая в воспалённом мозгу аппетитное предложение, Варнаев посчитал его исконно правильным, схватил из блестящего кейса нехилую пачку пятитысячных ассигнаций, а затем, презрительно ухмыляясь и не считая нужным прощаться, широким шагом направился к двери.

– Два дня, – произнёс он по ходу движения, для пушей убедительности приподнимая средний и указательный пальцы.

Как только он удалился, Марков лихорадочно стал прокручивать все возможные варианты, с помощью которых можно было бы избежать нелепого дележа и не располосить солидную компанию, принадлежавшую ему на праве единоличной собственности и создаваемую с неимоверно большими трудами. Он прикинул множество похожих случаев, но ничего более-менее дельного выбрать так и не смог, кроме единственного...

Точно в указанный срок явился пунктуальный Варнаев. Услужливая секретарша была предупреждена, что «она обязана пустить странного визитера полностью беспрепятственно», и отпетый преступник прошел в благоустроенный кабинет будущего (как он ни секундой не сомневался) компаньона без каких-либо проволочек.

– Бумаги готовы? – не здороваясь, пробурчал он, недовольный, с порога.

– Разумеется, – стараясь улыбаться пошире, ответил слащавый предприниматель, – сейчас съездим к государственному нотариусу, как оно полагается, подпишем, после чего ты станешь полноправным совладельцем общего бизнеса. Да и!.. Если можешь, извини меня за высказанные накануне глупые мысли. Я тут много думал и теперь искренне каюсь, что сам не предложил тебе, по нашим преступным понятиям, праведной компенсации, несоразмерной той огромной услуге, которую ты мне тогда, перед самой «посадкой», любезным образом оказал.

– Наконец-то дошло, Мишаня, – обрадовался доверчивый бандит приятным переменам, произошедшим в настроении бывшего криминального соучастника; но тотчас же, видимо несколько усомнившись, строго добавил: – А к нотариусу зачем – разве здесь нельзя подписать?

– Нет, – Марков уверенно замотал головой, показывая Игорю договор, составленный по установленным правилам, – без юридического заверения он, извини, действительным считаться не будет: такие сейчас возникли новые правила.

– Ладно, давай уже... в любом случае не будем задерживаться, а поскорее поехали, – согласился Зубатый, не до конца доверяя, – закончим справедливую, честную «делюгу». Но!.. Смотри – ежели что не так? – пощады не жди.

Давние сообщники сели в иностранный автомобиль, представленный маркой Renge Rover, и двинулись в путь. Близился скорый вечер, в столичном регионе потихонечку начинало смеркаться. Марков уверенно вёл заграничную машину по проспекту Андропова, а достигнув заповедника-музея «Коломенское», свернул на улицу, названную Новинки.

– Ты куда это правишь? – с недоверием поинтересовался Гоша Варнаев. – У нас что, ловкачи-юристы в лесах теперь принимают?

– Нет, – не скрывая откровенной озлобленности, грубо ответил задетый владелец обширного бизнеса, – просто здесь получится намного короче.

Почти в то же мгновение нахмуренный водитель свернул с оживлённой трассы и решительно углубился в лесистую полосу. Колёса массивного внедорожника увлечённо шуршали по неглубокому, рыхлому снегу... сидевший в салоне матёрый преступник начал паниковать.

– Стой! Ты куда это правишь? – завопил он истерическим голосом, нервно хватая недружелюбного сподвижника за удлинённый рукав. – Остановись, а иначе, поверь, тебе будет худо.

– О себе подумай, треклятый мерзавец, – грозно отчеканил свирепый предприниматель, доставая из грудного кармана итальянский пистолет, изготовленный фирмой «Beretta».

Он остановился и, удерживая огнестрельное оружие у виска Зубатого, возбуждённо и гневно скомандовал:

– Выбирайся, подлая падаль, на улицу: не хочу, паскудная сволочь, поганой кровью запачкать дорогие сиденья.

Недавно уверенный в достигнутом превосходстве, бандит в ту суровую, предсмертную секунду, как телок, ведомый на бойню, послушно подчинился непрекаемой силе убийственной мощи. Однако! Едва лишь оказавшись снаружи, он мгновенно припустился быстро бежать, надеясь, что сможет уберечься от уготованной кровавой расправы; но нет... невезучего бег-

лица остановил целенаправленный выстрел, загнавший первую пулю в неширокую, худощавую спину. Варнаев встал словно вкопанный и медленно опустился на подогнувшиеся колени. В тот же самый момент к нему подбежал ненадёжный единомышленник и, приставляя итальянское оружие к бестолковой башке, осуществил последнее попадание, в один миг оборвавшее непутёвую жизнь никчёмного человека. Зубатый рухнул на белоснежную землю, моментально обогрив её вытекающей кровью. Уверенно устранив полноправного совладельца, внезапно появившегося, зато совершенно ему ненужного, Марков поднял с окровавленного снега мёртвое тело и потащил его к небольшой речушке, носившей странное название Жужа. Скинув бывшего преступного друга в студёную воду и не выражая никаких сочувствующих эмоций, он поспешил отправиться восвояси.

На следующий день, рано утром, на слиянии с Москва-рекой труп Варнаева обнаружил случайный прохожий. На место происшествия направили оперативно-следственную группу, а расследование неочевидного убийства поручили оперуполномоченной управления уголовного розыска капитану Бероевой Оксане Витальевне.

По душевной природе она представлялась бесхитростной, приветливой девушкой, достигшей двадцати пяти лет, но уже успевшей прославиться невиданной смелостью. С самого окончания высшей школы полиции необычайно смышлённая сотрудница (помимо всего прочего отличавшаяся непередаваемой, сногшибательной красотой) проходила действительную службу в Московском уголовном розыске, в простонародье называемом МУРОм. С первых же дней она показала себя как отличник боевой и политической подготовки. Как закономерное следствие, ей поручались только самые трудные, подчас неразрешимые, поручения, а нераскрытых дел на её послужном счету практически не водилось. Молодая сыщица отличалась аналитическим, острым умом, мгновенной сообразительностью и расчётливым здравомыслием; ещё она неплохо стреляла из любого оружия, выделялась превосходной физической подготовкой и свободно владела эффективными приёмами рукопашного боя, добившись в боевых искусствах весьма и весьма значительных результатов. Говоря иначе, достигнутые качества помогали несравненной оперативнице как при раскрытии непростых преступлений, так и при задержании опасных преступников. В качестве положительного итога, за достижение высоких показателей, все последующие специальные звания ей присваивались только досрочно. Не обладая честолюбивой натурой, она выделялась редкостным бесстрашием, дозволенной самоуверенностью, умеренной инициативностью, непримиримым упорством, проявляемым в достижении поставленных целей; ну, а кроме всего перечисленного, полицейская являлась доброй, отзывчивой, да и попросту очаровательной девушкой. Из бесподобных внешних признаков можно выделить основные: невысокая фигура едва-едва перевалила отметку среднего роста; несравненная голова переходила в красивые плечи, гармонично сочетавшиеся с роскошным бюстом, спускавшимся к тонкой, изысканной талии, переходившей в не менее привлекательные округлости, из которых опускались прямые, точёные ноги; лицо казалось настолько прекрасным и привлекательным, что порой от него нельзя было отвести восхищённого взгляда – продолговатое, чуть вытянутое, оно имело смуглую, нежную кожу; выразительные глаза, большие и имевшие тёмно-карий оттенок, порой выражали настолько пленявший взгляд, насколько любой, кто попадал под его несомненную магию, невольно делался зачарованным (в те недолгие минуты, она смотрела, как будто бы завораживала, пытаясь склонить недоумённого собеседника к неременному раскрытию всех самых сокровенных тайн и глубоких секретов); по краям изящных век, практически никогда не знавших броской косметики, красовались длинные, подлинные ресницы, круто загнутые кверху и немножечко книзу; идеальные тонкие брови переходили в «капризный» нос, в основном прямой, но на кончике незаметно вздернутый; дальше располагались алые губы, слегка напыленные и в меру припухлые; маленькие, плотно прижатые уши скрывались за иссиня-чёрными волосами, густыми и прямыми, закругленными нижней частью вовнутрь – выделяясь равномерным полукругом,

они ограничивали нижнюю часть лица и плавно переходили в грациозную шею. Одеваться оперуполномоченная предпочитала в гражданское платье: в верхней половине оно состояло из серой дублёнки, натуральной и утепленной; в нижней – черных лосин, плотно облегающих и крайне удобных, а также невысоких американских сапог, выраженных сплошным подъёмом и имевших маленький обточенный каблучок.

Как раз именно ей, оперативной сотруднице, обладавшей всеми необходимыми навыками и практическими умениями, и поручалась поимка отъявленного убийцы. Непоседливая девушка не замедлила приступить к исполнению возложенного задания, где в первую очередь осмотрела место жестокого происшествия. Занеся в неизменный блокнотик наиболее значимые детали, способные продвинуть к раскрытию неочевидного преступления, Бероева сопровождала обнаруженный труп в центральный московский морг, где с него преднамеренно сняли промокшее одеяние. Внимательно изучив одежду покойного, педантичная сыщица выяснила, что к мужским трусам (с их внутренней стороны) пришит миниатюрный кармашек, чем-то туго наполненный. Оторвав пришитую материю, она извлекла крохотный клочок бумаги, обёрнутый водонепроницаемой пленкой и свернутый в несколько раз: убитый человек как будто предвидел, что с ним обойдутся или таким, или похожим способом и предпринял весьма небезосновательные меры предосторожности.

В незамысловатом тексте, написанном мелким, корявым почерком, убиенный преступник в ярком, красочном стиле изобличал прямого сообщника, а заодно и указывал, что, если с ним чего и случится, виновным, бесспорно, окажется Марков.

Не теряя ни единой лишней минуты, Оксана направилась по указанному в «подробном завещании» столичному адресу, где первым делом сличила на «рендж ровере» протекторы шин, – они полностью совпадали. Пока она представлялась излишне неуступчивой секретарше, та, заранее предупрежденная пронырливым боссом, включила громкую связь – предусмотрительный владелец услышал, какие его посетили нежданные гости! Мгновенно связав произошедшие совпадения воедино, он поспешно решил «пуститьсь в бега» и через запасный выход покинул помещение просторного кабинета, напрямую, и без малейших проволочек, устремившись к массивному внедорожнику.

Тем же самым временем капитан полиции, убедившись, что Маркова нет на рабочем месте, спускалась вниз, и как раз в тот момент, когда он торопливо покидал пределы престижной фирмы, беззастенчиво отвоёванной у Зубатого. Вмиг сопоставив несомненные, целиком очевидные, факты, она быстрее-быстро помчалась к оперативному транспорту, как водится у нормальных сыщиков, не имевшему опознавательных знаков и ничем не передававшим истинной принадлежности. Благополучно достигнув простенькой «Лады-приоры», незамедлительно и ни секунды не размышляя, деловитая брюнетка бросилась в погоню за незадачливым беглецом, вдруг (почему-то?) решившим удрать от справедливого российского правосудия. И вот! Стремительная гонка явилась непосредственной причиной сумасшедшей, ни с чем не сравнимой, езды, осуществлённой по Ленинградскому проспекту Москвы.

Постепенно неустанное преследование переместилось на городское шоссе, обозначенное одноимённым названием. Увлёкшись безумной погоней, Бероева ничего не передала ни по служебному радио, ни по сотовой связи, посчитав, что, как и обычно, любые невзгоды и крайние неприятности она преспокойненько преодолеет сама. В какой-то момент, поравнявшись с Зеленоградом, Марков свернул с основной дороги, вероятно намереваясь запутаться среди его многочисленных улочек и мелких проулков. Но не тут-то и было! Неотступная оперативница словно приклеилась: она повисла у него на «хвосте», демонстрируя невероятную хватку и завидное мастерство, проявляемое в управлении автотранспортом.

Через некоторое время, безуспешно «попетляв» по северо-восточным районам, зачумлённый убийца решил рискнуть и попытаться оторваться от неугомонной, дотошной преследовательницы. Как? Он вознамерился проскочить попутный светофор, когда на нём только-

только загорелся красный сигнал... Затея оказалась полностью неудачной: с правого бока следовал грузовой автомобильный фургон. Как печальный итог, подуставший преступник чуть-чуть не рассчитал предельную скорость, и водительская кабина громадного автопоезда врезалась в заднюю часть английского внедорожника, спровоцировав неожиданное вращательное движение, направленное по кругу. Неугомонная оперативница, плотно прижавшаяся следом, еле-еле смогла избежать прямого столкновения, дивным везением умудряясь выжать ножную тормозную систему и одновременно срывая барабанный «ручник». Далее, точно так же как в первом случае, служебный автомобиль безвольно крутанулся несколько раз, а ещё через пару секунд его выкинуло с проезжей части на узенький тротуар – и только каким-то удивительным чудом, а возможно, исключительным профессионализмом, достигнутым в управлении транспортными средствами, она случайно не сбила двух незадачливых пешеходов (редкостное везение и виртуозное мастерство спасли ее от наступления самых тяжелых последствий). Времени, чтобы отвлекаться на ерундовые мелочи (из гражданских прохожих никто в итоге не пострадал), у неё просто-напросто не было, поэтому Оксана по-быстрому выскочила наружу и что есть силы бросилась бежать к неподвижному внедорожнику – его вот только-только перестало крутить и «кинуло» на осветительный столб. Сработала подушка безопасности и плотно прижала нерадивого водителя к мягкому креслу. Ситуация, казалось бы, аховая, ан нет! Пытаясь срочно освободиться, правой рукой неумный беглец нащупал огнестрельное оружие и произвел единственный выстрел, освобождавший счастливую дорогу на выход. Успешно справившись с несложной задачей, Марков открыл водительскую дверцу, а следом, собираясь поспешно выйти, высунул на вольную улицу неразумную, буйную голову. К его великому прискорбию, тем же мигом последовал нехилый удар – это Оксана привела в обратное движение металлическую конструкцию, воздействуя на нее обеими руками, с виду вроде бы хрупкими, на самом же деле вовсе не слабенькими.

На доли секунды у Михаила потемнело в глазах. Капитану Бероевой его короткой прострации оказалось вполне достаточно, чтобы и дальше развивать победоносное нападение, а заодно и закрепить добытый успех. Распахнув массивную дверь на полную ширину, она как следует двинула правым локтем в преступную переносицу, усиливая негативный эффект, деструктивный, и стойкий. Как бы защищаясь, обескураженный противник заводил перед собой заряженным пистолетом, пытаясь «нащупать» неумную сыщицу, но моментально получил болезненное повреждение мужского запястья: одной рукой Оксана упёрлась в правое предплечье, а другой довела сжимавшую оружие широкую кисть к массивному туловищу, одновременно, по инерции, ломая запястный сустав... само собой «Beretta» выпала из ослабевшей ладони. Ни на секунду не расслабляясь, столичная оперативница схватила безвольного противника за уши и настырно его потащила, извлекая наружу. Далее, когда он, заплетаясь двумя ногами, готовился рухнуть на асфальтированную поверхность, удалая девушка, продолжая прочно удерживать беспутную голову, энергичным выпадом левого колена, направив его вперед, напрочь сломала хрящевую носовую выпуклость, жёстко выбивая сознание из незадачливого врага, предварительно хорошенько не поразмыслившего, с кем именно он на самом деле связался.

Как только он рухнул на ровный асфальт, боевая красавица достала стальные наручники и, ловко закрутив безвольные руки за спину, сцепила между собой. Закончив, она подогнала поближе служебный транспорт, натренированными движениями (становилось очевидно, что проделанная процедура ей давно уже не в диковинку) загрузила массивное тело в автомобильный багажник, передала по рации о случившемся происшествии и отправилась докладывать на «Петровку», предполагая, что красочные подробности расскажет при личной беседе.

Оказавшись в привычных помещениях, Бероева передала захваченного преступника дежурным сотрудникам; сама же она незамедлительно направилась в кабинет непосредственного начальника. Виктор Иванович Кравцов (так зрелого мужа звали) считался незаурядным

профессионалом оперативного дела; много времени он отработал, как говорят, «на земле», неоднократно нёс службу в горячих точках бескрайней страны и прекрасно себе представлял, из чего состоит основной смысл служебной деятельности, «истинный хлеб» прирождённых сыщиков. Находясь в полковничьем чине, полицейский руководитель являлся немолодым человеком и приблизился к возрастной отметке, равной сорока восьми годам от биологического рождения; он не выделялся высоким ростом, был вполне коренаст, но и легонько набирал излишнюю полноту; круглая голова выделялась правильной формой, что отчётливо угадывалось под светло-русыми волосами, остриженными короткой причёской, зачесанной набок; приятное лицо, волевое и убедительное, для большей солидности украшалось чёрными, слегка поседевшими, тоненькими усами; в сине-серых глазах проглядывались холодная рассудительность, аналитический ум и редкая проницательность. В силу служебных обязанностей, одевался Кравцов в форменное обмундирование, отливавшее тёмно-синей окраской и снабжённое необходимой символикой.

– «Коломенское» убийство успешно раскрыто, – бойко отчеканила деловитая девушка, как и полагается, стройно вытянувшись перед старшим по званию, – убийца задержан.

– Он хотя бы живой? – зная о нетипичных методах, которые использовала прекрасная сыщица, не замедлил поинтересоваться полицейский полковник.

– Да, – твёрдо заверила молодая красавица, но, слегка стушевавшись, на всякий случай прибавила: – правда, немного потрепан: уж очень ему хотелось уклониться от нечаянной встречи...

– Знаю, – усмехнувшись и не дав Оксане договорить, закончил Виктор Иванович; предположительно он догадался, какие слова просятся с чувственных уст, – но ты же оперативница настоящая и не при каких условиях не позволишь разыскиваемому преступнику обойти себя стороной, – усмехнулся, а следом, став более серьёзным, осведомился: – Кто он такой?

– Марков Михаил Николаевич одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года «выпуска», – чётко доложила Бероева, перейдя к оглашению собранных ею весомых улик, – согласно предсмертного «завещания», написанного лично убитым, он являлся его давним подельником, между прочим, в совершении более двадцати преступлений аж десятилетней давности! Как раз сие важное обстоятельство и явилось причиной его преждевременного ухода из жизни. Сверх сказанного, протекторный рисунок, имеющийся на автомобиле подозреваемого, полноценно совпадает со следами шин, оставленных на месте убийства; полагаю, судебная экспертиза с точностью установит их полную идентичность. Но самое главное! Итальянский пистолет «Beretta», изъятый у Маркова. Лично у меня не вызывает ни маломальских сомнений – внешняя и внутренняя баллистики подтвердят, что оружие является тем самым искомым, что чуть ранее оставило в голове почившего Варнаева округлую дырочку.

– Мне бы твою глубокую убеждённость, – озабоченно промолвил Кравцов, – впрочем, как показывает существующая практика, ни она, ни какая-то непонятная женская интуиция тебя ни разу не подводили; но... речь сейчас, прости, пойдёт о другом.

Начальник «убойного» отдела Москвы взял короткую паузу, предоставив Бероевой обратиться к нему с насущным вопросом:

– О чём же тогда, товарищ полковник?

– У меня для тебя две новости, Ксюша – загадочно улыбнулся немолодой офицер, – одна – хорошая, другая – очень хорошая... с какой начинать?

– Наверное, с хорошей, – предположила заинтригованная оперативница, мысленно пытаясь предугадать, о чём ей желает поведать полицейский руководитель.

– Тогда слушай, – ещё больше озорился Кравцов, – тебе представляется превосходный шанс защищать интересы нашей страны в одном международном деле, очень таинственном и крайне секретном, – всех его чрезвычайно законспирированных обстоятельств не поведали даже мне. Точно я знаю только одно: специальная группа российских и американских ученых

работает над неким важным проектом. Всего их пятеро – трое наших и двое американцев. Именно они – да разве ещё несколько человек на самом высоком уровне – и находятся в курсе, чем действительно занимаются. У них есть восемнадцать помощников, сотрудники подсобной obsługi, – в подробности тайной миссии, насколько мне известно, они не посвящаются тоже.

– Не понимаю: причем же тогда здесь мы? – искренне удивилась Бероева.

– Правильный и уместный вопрос, – согласился Виктор Иванович, взял принятую «теле-тайпограмму» и, сверяясь, принялся констатировать: – За последнюю неделю – заметь, при странных, если и не загадочных обстоятельствах – у них погубило три человека, а именно: двое подручных работников и один профессор-учёный. Разбираться в необычных смертях – это наша прямая обязанность. Выражаясь проще, тебе предоставляется честь отправиться расследовать запутанные события. Кстати, то была хорошая новость.

– Интересно?.. – искренне удивилась Оксана, многозначительно вскинув кверху красивые брови. – Какая же тогда хорошая – очень?

– За казенный счет, Ксюша, – не сдержал ехидной ухмылки Кравцов, – ты отправляешься в далёкое путешествие, – он замолчал, сделав неоднозначную паузу, а глубоко выдохнув, торжественно заключил: – На Северный полюс заснеженной Арктики... Туда уже прибыл наш американский коллега из ФБР; но высокопоставленные руководители, естественно, посчитали, что и от нашей страны должен поучаствовать самый лучший оперативный сотрудник. Как видишь, твои способности оценили на самом Высоком уровне. У тебя есть пара часов, чтобы наспех собраться, – и тут же в дорогу! Ты девушка незамужняя, как довелось, бездетная, так что, полагаю, со скорыми сборами житейских проблем, семейных неурядиц, у нас не возникнет. Зафрахтованный самолет тебя уже ждёт, причём на секретном президентском аэродроме, куда тебя и доставят сотрудники ФСБ; с настоящей минуты ты находишься в их непосредственном подчинении. Засим прощаюсь – и желаю удачи! Остальные подробности узнаешь позже, согласно детального плана.

Не позволяя впечатлённой девушке хоть как-нибудь возразить, входная дверь, ведшая в кабинет, широко распахнулась, а следом вошли двое незнакомых мужчин, наделённых непроницаемыми, бесстрастными лицами; они отливали дорогими костюмами и казались одинаковыми как высоким ростом, так и массивной комплекцией – можно было предположить, что они являются братьями-близнецами, если бы не небольшие различия в невозмутимых физиономиях. «Вот те самые двое из ларца, что одинаковы с лица», – заметила про себя Оксана и, не имея дополнительной возможности хоть чуточку поразмыслить (что же ей в ближайшем будущем предстоит?), сопровождаемая молчаливыми федеральными сотрудниками, непревзойдённой походкой отправилась выполнять ответственное, особо важное, поручение.

Арктический кризис

Глава I. Прибытие

В виду чрезвычайной секретности операции, в самолете, следовавшем в самую крайнюю точку холодной Арктики, помимо сотрудницы МУРа, находился всего один человек – личный пилот российского президента. При посадке Оксане разрешилось занять удобное кресло второго летчика, и теперь, наслаждаясь невысоким полётом, она с энтузиазмом поглядывала в смотровые окошки. Видимые пейзажи менялись прямо у неё на глазах: лесистая растительность умеренного пояса плавно переходила в промозглую тундру, затем в почерневшую студёную воду, а заканчивалось представленное великолепие однообразной картиной вечных арктических льдов.

По пути в аэропорт Бероевой позволили посетить магазинчик зимней одежды, где она запаслась необходимыми в суровой стуже экипировочными предметами; из теплых вещей предусмотрительная девушка взяла толстую куртку типа «аляска», окрашенную защитным, темно-зелёным цветом, однотонные трёхслойные брюки, высокие меховые унты, сизую песцовую шапку, шерстяные валенки (на всякий случай), а также длинную водолазку, отмеченную чёрной расцветкой (сделанные покупки, в том числе и принадлежности личной гигиены, оплачивались из государственных сумм российского казначейства). Приобретённые обновки пришлось сложить в большую дорожную сумку, приобретенную там же. Сама она предпочла оставаться в привычной одежде, надетой в момент задержания Маркова: она казалась ей гораздо удобнее, да и попросту полюбилась.

Самолёт находился в пути уже больше шести часов, показавшихся скучавшей красавице нескончаемо долгими. В конечном счёте, убаюканная размеренным шумом моторов и начавшейся на всём остальном протяжении белой пустыней, оперативница в какой-то момент непреднамеренно задремала. Её спокойный сон прервался вежливым криком пилота:

– Мы подлетаем! Я бы советовал Вам, девушка, непременно переодеться: забортная температура составляет тридцать семь градусов ниже нуля, а ветер – до десятка метров в секунду! Здесь всё-таки крайний север! Кстати, арктический полюс располагается всего-навсего в нескольких километрах!

– Ничего, – гордо ответила московская сыщица, не пожелавшая менять одежду внутри воздушного судна, да ещё и на глазах у постороннего человека, – я привычная! В Москве, при таком же в точности холоде, я одеваюсь аналогично, так что мне не впервой!

– Дело Ваше! – согласился податливый лётчик и стал заводить летательный аппарат на преднамеренную посадку.

Не успели они до конца приземлиться, как Оксана увидела, как к подлетавшему самолёту приближается встречающий незнакомец, плотно укутанный в стандартную армейскую куртку, представленную утепленной вариацией и окрашенную стандартным военным оттенком хаки; он казался безликим, потому как дополнительно скрывался за накинутым на голову непроницаемым капюшоном. Через пару минут посадочные лыжи плавно опустились на заснеженный лёд, а ещё через мгновение прибывшая оперативница не торопливо выбиралась наружу, не забывая вручить ожидающему мужчине личный багаж. Оказавшись на морозном воздухе и едва ступив на бескрайнюю ледяную поверхность, молодая сотрудница МУРа тут же почувствовала, как её неприятно пронизывает жуткий арктический холод и как белоснежные зубы произвольно выбивают барабанную дробь. «Да-а... зря я не прислушалась к совету участливого пилота», – подумала недалёковидная девушка (к слову сказать, тридцать семь северных

градусов, сопровождаемых небольшим ветерком, значительно отличаются от идентичной температуры умеренных поясов).

– Быстрее!.. На тёплую базу! – закричал по-английски подоспевший американец, наблюдая, как воздушное судно поспешно разворачивается и выходит на взлётную полосу, готовое подняться обратно в бескрайнюю высоту.

Прекрасно зная предложенный диалект, замерзшая девушка понимающе покивала и, справедливо рассудив, что в нестандартной ситуации противиться провожатому человеку вовсе не стоит, незамедлительно поспешила за ним (ей и самой не терпелось побыстрее оказаться в обогреваемых помещениях). Зимовочная база находилась в ста метрах от взлётной площадки. Хотя незначительное (вроде бы?) расстояние и удалось преодолеть сравнительно быстро, но вновь прибывшей московской оперативнице всё-таки пришлось испытать неприветливую нетерпимость арктического ледяного дыхания: в северной природе давно уже началась полярная ночь, и, единственное, лишь холодным лунным светом ласкалось то маленькое селение, причём и скупое, и совсем неприветливо.

Арктическая станция представляла громоздкую конструкцию, смонтированную из отдельных фрагментов; они являлись металлическими блоками, заполненными поролоновым утеплителем. Сюда их доставили грузовым самолетом, а затем соединили усердными стараниями специально переброшенной ремонтной бригады. Внутреннее отопление осуществлялось за счёт универсального дизельного котла; электрическая энергия вырабатывалась мощным системным генератором, работавшем на том же, аналогичном, топливе (оно хранилось в огромной ёмкости, установленной чуть выше ледяного покрова и расположенной на удалении ста пятидесяти метров от основного строения).

Достигнув жилого комплекса, незнакомый мужчина повернул круглое железное колесо, имевшееся снаружи входной двери и смыкавшее внутреннюю двустворчатую задвижку. И вот! Оба они оказались в маленьком тамбуре, отличавшимся размерами два на два метра, где отрицательная температура едва-едва опускалась ниже нуля и где полностью отсутствовал обжигавший холодом северный ветер. Оперативная сотрудница, непривычная к жёстким погодным условиям, облегчённо вздохнула: её модная одежда хотя и являлась отчасти зимней, но явно не подходила для неприветливых погодных условий, и непривычных, и небывало морозных. Пока Оксана отходила от нестерпимого холода, американский представитель проделывал ту же самую операцию, но уже со второй задвижкой, позволявшей попасть прямоком во внутреннее пространство, где оказалось довольно тепло и где сухой воздух удавалось прогреть до пятнадцати градусов. Сопровождавший человек ловко скинул меховой капюшон и не замедлил представиться:

– Джонни О’Нил, специальный агент Федерального бюро расследований, наделенный особыми полномочиями.

Четко отчеканив и имя и должность, он протянул для приветствия правую руку, наделённую немаленькой силой. Воспитанная девушка ответила на дружеское рукопожатие и браво рапортовала:

– Капитан Оксана Бероева, оперуполномоченная Московского уголовного розыска, в неформальном общении попросту Ксюша.

– Ксю-уша?! – проговорил англоязычный американец с невольным акцентом, стараясь запомнить сокращённое имя. – Пройдёмте, я покажу Вам отдельную комнату, где Вы будете отдыхать, а потом мы проведём ответственное собрание.

Комната – это, конечно, сказано громко! Северная зимовка состояла из пятнадцати крохотных кубриков, имевших периметры два с половиной метра на полтора и используемых сборной командой для недолгого сна либо нерабочего времяпрепровождения (там же хранились их личные вещи); в десяти устанавливались кровати двухъярусные (они предназначались для вто-

ростепенного персонала), в остальных же пяти спальнях мест располагалось только по одному (в них селились учёные, назначенные быть главными).

Оксана быстро переделалась, надев купленную плотную водолазку, но оставшись в удобных лосинах и американских сапожках без молнии. В предоставленной комнатухе, где раньше селился покойный профессор, в письменном столе, больше похожем на тумбочку, крепился металлический ящик, запиравшийся на специальный маленький ключик – в него она положила огнестрельное оружие и запасные патроны.

О'Нилу досталось пустовавшее помещение, предназначавшееся для лётчиков, периодически совершавших грузовые рейсы и доставлявших на полярную базу продукты питания, дизельное топливо, другие, необходимые в нормальной жизни, предметы, а также первостепенные лекарства, без которых в обыденной жизни просто не обойтись. Он быстро скинул утеплённую куртку и, когда столичная оперативница вышла из освоенной комнаты, как преданный пес, терпеливо дожидаясь снаружи. Только сейчас Бероевой удалось его рассмотреть поподробней: красавец мужчина, он достиг тридцатидвухлетнего возраста, оказался выше на целую голову и считался превосходно развитым в силовом отношении – мощный торс, накачанные грудные мышцы и рельефные бицепсы отчётливо выделялись сквозь тугую водолазку, окрашенную знаменательным цветом хаки (утепленные брюки были в тон остальной одежде). «Не иначе бывший морской пехотинец», – оценив увиденные формы, сделала московская сыщица правдоподобное, логичное заключение. Далее, она принялась делать мысленные отметки, изучая привлекательное лицо: овальная ровная форма не выделялась никакими изъянами; хитроватые голубые глаза светились пронизательным умом, трезвой, придирчивой рассудительностью, но заодно выдавали некую звериную жёсткость (а возможно?!) и тайный зловерный умысел; взгляд выглядел добродушным, но где-то в самой его глубине проглядывались редкостное упорство и негибкая решимость; аккуратный нос смотрелся ровным, прямым, практически идеальным; грубая, обветренная кожа представлялась настолько белой, что, предполагалось, никогда не знавала солнечного загара; блондинистые волосы укладывались в короткую причёску, зачёсанную слева направо. Простому обывателю отмеченные мелочи вряд ли бы бросились на глаза, но опытная оперативница сразу же заострила на сделанных выводах сосредоточенное внимание: «А ты не так уж и прост? Хотя – чему я сейчас удивляюсь? – в «бюро» глупеньких дураков не держат», – продолжала рассуждать российская представительница, пронзительно оценивая будущего коллегу. А что же Джонни? Он широко улыбался, стараясь пользоваться наиболее открытой улыбкой и показывая безупречные ряды белых зубов и тонкие, ярко-красные губы.

Американский сотрудник, как только российская оперативница вышла из занятой комнатухи, предложил ей проследовать на короткое служебное совещание. Его решили устроить в научно-исследовательском центре – комнате, обозначенной размерами пять на четыре метра и заставленной всевозможным научным оборудованием, где посередине стоял ровный металлический стол. Следуя по непродолжительному пути, практичная девушка мысленно отмечала, что северное зимовье включает в себя разнообразные отделения: зал общего отдыха (где имелся даже плазменный телевизор), медицинскую лабораторию, общественную столовую (вместе с кухонным помещением) и несколько запертых отсеков, используемых, по-видимому, под кладовые подсобки.

Её ожидали четыре научных сотрудника: двое американских, а остальные российские. По сложившейся традиции вначале следует остановиться на двух соотечественниках...

Первый – это профессор-геолог Веремчук Константин Георгиевич, мужчина пятидесятидевятилетнего возраста. Он представлялся худощавым и не в меру подвижным, имевшим рост, приближавшийся больше к высокому; обветренное лицо, не лишённое привлекательности (точно так же как и у других научных сотрудников) украшалось аккуратной бородкой и подстриженными усами; загорелая кожа неприятно испещрялась многочисленными морщи-

нами; каре-зелёные глаза выражали незаурядные умственные способности и завидное аналитическое мышление (аналогичных качеств, исходя из беглого взгляда, не лишались и прочие); частично поседевшие волосы коротко подравнивались, под электрическую машинку. Непокладистый характер отличался нетерпимой горячностью. Неброская одежда включала в себя коричневый вязанный свитер, выделявшийся бело-чёрно-серым рисунком, и толстые серые брюки, утеплённые синтепоном. Основная его обязанность включала в себя нахождение требуемых членам зимовья точных координат.

Второй – доцент кафедры, занимающейся специфическими особенностями человеческих генов, Григорович Владимир Сергеевич. Он выглядел намного моложе первого, то есть его биологический возраст едва достиг тридцативосьмилетней отметки; при мрачноватой, угрюмой внешности ученый муж обладал овальной физиономией, где колючие серые глазки, узкие и маленькие, располагались по бокам вздернутого кверху длинного носа и где кожные поры казались настолько глубокими, что делали его похожим на больного, недавно перенесшего оспу (на самом деле он являлся абсолютно здоровым – просто такова неприглядная особенность клеточного строения); светло-русые волосы торчали в разные стороны, выступая сантиметра по два, – они давно не знали самой обыкновенной расчески и образовывали бесформенную копну; ростом он смотрелся ниже и так невысокой Бероевой, телосложением представлялся невыдающимся, с чётко обозначенной избыточной полнотой (по внешнему виду не без веских оснований предполагалось, почему неприятный мужчина избрал себе именно такую профессию). Одетым он оказался в шерстяной разукрашенный свитер, а сверху него в тёплые штаны и унты, идентичные такими же, как и у Константина Георгиевича.

Про американских ученых Оксана вновь про себя отметила: «Вот и ещё те двое из ларца...» Действительно, если бы не существенные различия в строении неоднотипных лиц, можно было бы утверждать, что перед ней стоят два привлекательных клона, отличающихся лишь несущественной разницей и в росте и в возрасте.

Сначала стоит отметить их одинаковые качества: оба виделись стройными, не лишёнными физической силы (здесь сам собой напрашивался вывод, что личное время они посвящают не одним научным трудам, но и активно занимаются фитнесом, набравшим в Соединённых Штатах немалую популярность). Схожим являлось и их форменное обмундирование, без сомнения полученное в штатовских армейских структурах; оно включало тёплый вязанный свитер, толстые утеплённые брюки и высокие меховые сапожки, где, за исключением обуви, окрашенной в чёрный цвет, все остальное обмундирование имело военный оттенок хаки.

Далее, надлежит уделить внимание принципиальным различиям...

Первый – коллега российского генетика Джеймс Рамирес. По внешнему виду ему приписывался возраст, достигший пятидесяти двух лет; приятное лицо изображалось и овальным, и несколько треугольным; кожа предполагалась излишне смуглой, проявившейся своеобразным красноватым оттенком (она придавала ему некоторое сходство с коренным населением США и остальной Америки); похожим эффектом обладали нагловатые очи, выделявшиеся черноватой расцветкой и выражавшие напористую, волевою решительность (как показалось Бероевой, ещё и суровую беспощадность); дальше следовал самый обычный нос, в основном прямой, но снабжённый и лёгкой горбинкой (она как бы специально поддерживала позолоченные очки, окаймлённые идеальной, округлой оправой); смолянистые волосы были длинными, отмечались начинавшейся проседью, а спускаясь к широким плечам, прикрывали лопухие, огромные уши.

Второй – это профессор-биолог Уильям Кригер. Он являлся мужчиной сорокаторрёхлетнего возраста, ростом приближался к высокому и отмечался продолговатой физиономией; зеленоватый оттенок хитрых, в чём-то зловещих, глаз выдавали безнравственную натуру, способную к враждебному поведению и тайному заговору (сей странный факт не ускользнул от внимательной сыщицы); ещё выделялся пряменький нос, короткие, чуть поседевшие волосы

и плотно прижатые уши; лицевая кожа хотя и выглядела обветренной, но не лишалась естественной мягкости.

«Вполне очевидно, научный сотрудник использует в каждодневном рационе различные увлажняющие крема, а возможно, и типичные американские гели – надо будет спросить у него чего-нибудь для себя», – мысленно отметила толковая девушка, заканчивая подробное изучение новых знакомых.

Когда ознакомительная часть уединённого собрания окончательно завершилась и когда присутствовавшие люди насладились взаимным вдумчивым созерцанием, слово взял Джеймс Рамирес, после смерти Попова Сергея Петровича считавшийся в учёной команде за старшего.

– Мы обеспокоены, – начал он, поправляя очки, – тремя жуткими смертями, случившимися с некоторыми из наших сотрудников. Американский агент О’Нил уже ознакомился со странными обстоятельствами их таинственной гибели и, я считаю, доложит намного лучше. Если никто не возражает, то я его попрошу...

– Пойдите! У меня созрел немаловажный вопрос, – вклинилась в короткую речь Оксана Бероева, поступая беспардонно и не позволяя американскому коллеге сделать отчётный доклад. – Прежде чем перейдём к рассмотрению установленных фактов, мне бы очень хотелось выяснить: почему организована настоящая полярная экспедиция? Не сомневаюсь, всем очевидно, что, не разобравшись в первостепенных причинах, тяжело будет определиться с окончательным следствием.

– Этого ни Вам лично, ни вашему американскому коллеге знать – как, надеюсь, Вам дали понять? – совершенно необязательно, – грубо оборвал говорившую девушку Григорович, – то конфиденциальное исследование, каким мы здесь занимаемся, составляет Государственную Тайну двух мировых мощнейших держав. Вас пригласили совсем не за тем, чтобы вникать в засекреченные работы; напротив, основная Ваша задача – вычислить того поганого подонка, кто убивает невинных людей, изолировать его от остальных участников экспедиции и предоставить нам благоприятную возможность спокойно работать. В отношении озвученных обстоятельств – я больше чем уверен! – Вы заблаговременно были проинструктированы. Доводить их повторно? Считаю делом бесперспективным и абсолютно напрасным.

– Хорошо, – загадочно сверкая озорными глазами, на удивление легко согласилась лукавая сотрудница МУРа, – однако не забывайте, что существует такое понятие, как особые обстоятельства. Если я только почувствую, что они имеют здесь место быть, то вам, хочешь не хочешь, придется мне всё рассказать – и это даже не обсуждается! Кстати, по этой весомой причине сюда и прислали конкретно меня, а не кого-то другого. Сейчас – так тому и быть! – я готова выслушать, что же тут приблизительно происходит.

Глава II. Совецание

– Дело в том, – начал Джонни делиться, о чём успел разузнать, – что все погибшие жертвы имеют схожие обстоятельства страшного умерщвления.

– То есть?.. – не поняла сотрудница уголовного розыска.

– Получается, убивали их, – констатировал агент американских спецслужб, – несколько неестественным образом.

– Даже так? – не унималась любопытная девушка. – С нетерпением хочу выяснить: как устраняют людей на Северном полюсе?

– В общем, – заявил О’Нил, приглашая Бероеву следовать за собой, – это лучше увидеть, нежели подробно описывать. Господа, мы скоро вернёмся, – последнее высказывание относилось к научным сотрудникам.

Сметливая оперативница, предполагавшая нечто подобное, с готовностью направилась к выходу и непревзойдённой походкой вышла из нудного помещения. Спец-агент повёл её в медицинский отсек, где их давно поджидал штатовский врач, приписанный к таинственной экспедиции. Общий кабинет, определённый для оказания лечебной помощи, граничил с холодной камерой, используемой для хранения специальных лекарств, а в настоящем случае служивший заодно и временным моргом. Здесь, прямо на полу, в один ряд, укладывалось три непрозрачных, тёмных пакета, предназначенных для содержания безжизненных трупов (разумеется, все они оказались заполненными).

Прежде чем войти, предупредительный доктор высказал разумное предложение, чтобы неподготовленные посетители «пренебреженно» оделись. Выполняя обозначенную рекомендацию, Оксана между делом внимательно его разглядела... Высокий мужчина, выделявшийся пятидесятидвулетним возрастом и статным телосложением, отличался и худощавой фигурой, и завидной мышечной массой, скрывавшейся за стандартным белым халатом. Майкл Джордан (именно так звали работника медицинской сферы) являлся членом группы, представленной США, и обращал на себе внимание характерными признаками: в сочетании со спортивным телосложением, доброжелательное лицо казалось приятным и выглядело соответственно прожитому отрезку; кожа выглядела гладкой и ровной, без каких-либо ненужных изъянов; серые пронизательные глаза, высокий лоб, прямой нос, слишком зауженные широкие губы – всё это в целом выдавало и глубокий ум, и каверзную хитрость, и некую особую кровожадность (она в общем-то соответствовала выбранной им профессии); неровная голова начинала лысеть, в связи с чем короткие волосы имелись только над маленькими ушами, да разве ещё на выпиравшем затылке; волевой подбородок и верхняя губа, как и у остальной профессуры, украшались густыми усами и аккуратной бородкой. Согласно его послужного списка, он являлся успешным доктором и содержал в Америке личную клинику. Становилось непонятно: что богатый, зажиточный человек делает в «Богом забытом месте», где нескончаемая ночь длится чуть менее полугода?

Как и следует ожидать, Джордан, заранее предупрежденный о важном визите, дожидался прибытия оперативных сотрудников, сидя в выделенном кабинете и греясь горячим чаем. Когда они прибыли, а затем, по его осмотрительному совету, получше экипировались, Майкл, продолжая оставаться в неизменном халате, одетом поверху тёплого военного свитера, прошёл вместе с ними в холодное отделение. Первым делом американский врач открыл пластмассовую молнию – расстегнул её на первом пакете, где находилось мёртвое тело Попова. В тот же миг изумлённому взору прямых участников следственного осмотра предстало жуткое зрелище: половина головы смотрелась как будто бы кем-то отгрызенная, оголяя внутреннюю часть черепной окружности, где напрочь отсутствовало мозговое, серое вещество; тело оставалось полностью голым (перед упаковкой его пришлось раздевать); широкая грудь и нижняя

часть туловища, в области живота, были жестоко разодраны; внутренние органы наполовину исчезли, как и нижняя часть от левой ноги. По тем характерным следам, что оставались на истерзанном корпусе, напрашивался глубокомысленный вывод, что перед страшной кончиной тот умерщвлённый человек подвергся нападению крупного хищника, обладавшего острыми, непременно большими, зубами, способными и твердые ребра дробить, и запросто откусывать по половине человеческой ноги, и отличавшегося мощными, просто стальными, когтями (чьи отчётливые отпечатки остались и на израненной спине, и на вскрытой груди, и на сохранившихся пятипалых конечностях). А ещё! По-видимому, диковинный зверь наделяется длинным, всепроникающим языком, позволяющим до полного основания вылизывать внутрочерепные мозги.

Другие два трупа мало чем отличались от первого: они имели аналогичные проникновения в головы, только в их случае повреждались костные основания с другой стороны; помимо прочего, у одного отсутствовали обе ручные конечности, у второго – верхняя левая и нижняя правая.

Внимательно осмотрев обезображенные останки, по сути ужасные, какие в отвратительном виде предстали возмущённому, негодовавшему взору, Бероева не удержалась от просившихся наружу бурных эмоций и, матюгаясь по-русски, по-английски сказала:

– Что вообще-то, «на хер», здесь происходит? Что, чёрт возьми, представленное зверство, в сущности, значит? Кому, объясните мне, станет – такое! – под силу?

Деловая девушка, не видя ничьих возражений (навряд ли они смогли бы ее хоть как-то остановить?), постепенно брала в проверенные дамские руки безупречный контроль и начала осуществлять единоличное управление надо всей полярной зимовкой, подвергнутой если и не сверхъестественной жути, то нечеловеческим кошмарам – это уж точно. Вот и сейчас, она внимательно смотрела на остальных участников, ожидая от них более или менее вразумительных разъяснений.

– Похоже на нападение крупного зверя, – попытался предположить фэбээровец Джонни, – по всей видимости, огромного волка, а возможно... и белого медведя?

– Что за чушь несусветную ты сейчас говоришь? – не церемонясь, возразила бестактная сыщица, ещё со школьной скамьи обладавшая познаниями о флоре и фауне отдалённых полярных районов. – Ни один из живущих на земле приполярных зверей не заходит в подобную даль. Рассуждая о белых медведях, они – как всем должно быть известно? – обитают в районе Новой земли, почти в полутора тысячах километров отсюда. Вы мне ещё про йети начните рассказывать?! Более разумное объяснение есть? – она посмотрела на Майкла, ожидая профессиональной поддержки, как от специалиста, имеющего дело с большинством всевозможных ранений. – А, Док? – обратилась она на американский манер. – Если честно, Вы-то как себе нелогичные непонятности представляете?

– Даже не знаю, что и сказать? – растягивая подобранные слова, размышлял человек, в силу долгой лечебной практики повидавший, несомненно, немало. – По всему кажется, что убитые люди подвергались жестокому нападению какого-то огромного существа; но – согласусь с представительницей прекрасного пола – климатические условия исключают вероятное появление живых существ, если только оно не мистическое. С другой стороны, я могу ошибаться: мы присутствуем на самой малоизученной части планеты... кто его знает, что здесь в реальности происходит? Возьмусь предположить, что случившиеся события как-то связаны с той искомой причиной, по которой мы здесь сейчас и находимся.

– Правильно, Док, – стрельнув лукавыми глазками, согласилась российская сыщица, показывая, что думает либо точно так же, либо похоже, – я максимально с Вами согласна! Надеюсь, Джонни, – продолжила бойкая девушка, обращаясь к специальному представителю, – ты не будешь противиться? Наверное, и тебе пора уже в конечном счёте понять, что если мы хотим разобраться, с чем конкретно имеем дело – а заодно и желаем сохранить бесценные

жизни подведомственных людей – то мы должны убедить учёный состав, что им необходимо поделиться с нами той конфиденциальной информацией, какую они так тщательно стараются скрыть. Между прочим, чем быстрее они разговоятся, тем для всех остальных окажется лучше – может, кто-то думает по-другому?

Возражавших не нашлось, единственное, представитель американских спецслужб счёл необходимым справедливо заметить:

– Ты, разумеется, Ксюша, права, но на откровенное признание интернациональная профессура никогда не пойдёт: им даны строгие указания о неразглашении чрезвычайной секретности предпринятой операции... Я так понимаю, материальная выгода здесь заикливается совсем не на крупных деньгах, а на чём-то гораздо более ценном и очень серьёзном. На чём? Я ни много ни мало не в курсе.

– Хорошо, – неприветливо усмехнулась Оксана, скрестив на восхитительной груди и красивые и сильные руки, – давайте попробуем идти другим, наиболее длинным, путем. Первым делом, дорогие мужчины, соблаговолите меня просветить: где именно мы сейчас находимся, или чья здесь располагается суверенная территория?

– Нет ничего проще, – улыбнулся О’Нил, держа могучие ладони в карманах тёплой «аляски», – давайте выйдем из холодного морга, брр! и я попытаюсь разъяснить, что, должно быть, смогу.

Действительно, продолжать разговор в мрачном, наполненном стужей, пространстве оправданного смысла не виделось, поэтому, предоставив Джордану упаковывать хладные трупы обратно, молодые люди поспешили в приемное отделение. Там было тепло, а значит, верхняя одежда становилась ненужной. Пока оперативники не торопясь раздевались и выбирали удобное место, где бы присесть, к ним присоединился и Майкл, к тому времени успевший завершить упаковывать мёртвых. Едва лишь все собрались, американский специальный агент возобновил прерванную чуть раньше состоятельную беседу:

– В настоящее время, Ксюша, мы находимся аккурат на границе арктических территорий, на которые претендуют обе могущественные Державы. Всего в нескольких километрах располагается Северный полюс, и при большом желании до него получится добраться пешком. Хотя, если честно, нелепая, едва ли не абсурдная мысль на тёплой станции никому, поверь, не приходит; напротив, все стараются заниматься непосредственными обязанностями и поменьше высовываться на морозную улицу.

– Постой, Джонни, – прервала словоохотливого рассказчика нетерпеливая девушка, подняв вверх указательный палец и намереваясь привлечь внимание окружающих, – мы подошли к тому интересному моменту, когда назревают соответствующие вопросы, а именно: где обнаружены людские трупы и в какой очередности?

Фэбээровец, прибывший раньше на целые сутки, решил задумчиво отмолчаться, а изыскательную речь продолжил медицинский сотрудник, через которого и прошли все трое изувеченных мертвецов:

– Первым обнаружили Глеба Васильева, занимавшегося предварительным предсказанием метеорологических изменений. Чтобы получать эффективные сведения, он установил вычислительные приборы, удалив их от основной зимовки примерно на километр... там его и нашли. Очевидно, он занимался снятием очередных показаний, как раз когда на него и свершилось внезапное нападение таинственного «зверюги»... Извините, почему-то сделанное сравнение мне кажется наиболее близким, и я буду неизвестное существо так называть.

– Не возражаю, – снисходительно одобрила строгая россиянка, внимательно слушая и пунктуально пометчая в уже знакомом блокноте, – тем более что, судя по истерзанным трупам, название вполне подходящее.

– Пропавшего синоптика хватились лишь через день, – возобновился американский доктор, не прерываясь в произвольном изложении трагической повести, – это случилось ровно

неделю назад. С тех пор прошло не более пары дней, и, к несчастью, погиб мой санитар Бредуэст Гарри. Как это произошло? У комплексной экспедиции имеется гусеничный снегоход, он же трактор-автобус, на котором научный состав ежедневно уезжает для проведения засекреченных изысканий. По прибытии обратно, дизельная техника ставится на стоянку, организованную сразу же за центральным строением. Так вот, одному из рабочих, обслуживавшему вездеходный транспорт, неожиданно стало плохо – я тогда отдыхал – и мой помощник вызвался, чтобы самому сходить на срочный вызов и оказать пострадавшему человеку необходимую медицинскую помощь. Нетрудно догадаться, что он потом не вернулся. Через некоторое время его изгрызенный труп обнаружили недалеко от топливной ёмкости.

– То есть, можно сказать, предполагаемый «зверюга» начал зловещую охоту и потихонечку истребляет обслуживающий персонал арктической станции? – уточнила столичная оперативница и сама же себе ответила: – Оно и понятно: они ходили по одному. Однако намного больше меня интересует нечто другое: как он смог добраться до наших ученых мужей, ведь, как я успела понять, они друг с другом ни на секунду не расстаются? Получается, они что, как всегда бывает, ничего не видели и не слышали?

– Совершенно верно, – внёс нужные коррективы штатовский специальный агент, – я долго беседовал с ними по странному, непостижимому случаю; но, единственное, что они сумели мне передать, Попов погиб ровно за день до моего появления, когда они, как и обычно, отправились все вместе за засекреченными исследованиями. Рассказывая подробнее, примерно в пяти километрах отсюда им приходится спускаться под ледовую толщу и углубляться в своеобразную нишу, находящуюся в трёх-четырёх метрах ниже уровня ледяного покрова. Российский коллега, ученый-генетик Попов, в тот день несколько замешкался наверху, оставаясь снаружи абсолютно один. Остальные учёные слышали только нечеловеческий, душешипательный крик и по понятным причинам не рискнули сразу же бежать и смотреть, что с их нерадивым товарищем случилось – непоправимое, страшное. Когда они победили по-человечески объяснимую трусость и когда, набравшись храброй отваги, вышли из подлёдного углубления, то только и обнаружили, что пятый коллега бесследно отсутствует. Следуя обратной дорогой, они наткнулись на его частично обглоданный труп, оставленный приблизительно в километре от зимовочной станции.

– Как будто бы его подкинули специально, – задумчиво проговорила Оксана по-русски; одновременно она нахмурила прекрасные брови.

– Что, Ксюша? Я не совсем понял, что ты сейчас сказала? – переспросил озадаченный американец, говоря на английском наречии.

– Нет, ничего, – поспешила его успокоить практичная сыщица, расплываясь в одной из самых дружественных улыбок, – просто мыслила вслух. Я полагаю, предварительный доклад можно считать законченным, а настало время пойти и пообщаться с учёным составом.

Приняв поступившее предложение, как некую непререкаемую команду, специальный агент, наблюдая, как его энергичная напарница решительно направляется к выходу, не замедлил отправиться следом. Тем временем научные сотрудники, находясь в томительном ожидании, устроили горячее чаепитие. Увидев, чем они занимаются, Бероева озорно всплеснула руками и наигранно громко воскликнула:

– Кстати, вот от чего-чего, а от крепкого чая я бы не отказалась!

Джонни, успевший в маленьком интернациональном мирке освоиться как в собственном доме, услужливо бросился выполнять несложную просьбу, поступившую от российской оперативницы и адресованную словно бы лично ему, а не кому-то другому. Когда у всех присутствовавших людей задымились тёплые кружки, Оксана вновь принялась допытываться до подлинной истины:

– Скажите, пожалуйста, уважаемые господа учёные, что же здесь всё-таки происходит? Что это у вас за суперсекретное изучение, которое усугубляется людскими смертями? Чем вы вообще занимаетесь?

– Я уже сказал, – за всех отвечивал Джеймс Рамирес, обозначившись недовольной физиономией, – что непреднамеренное рассекречивание проводимых мероприятий выходит за рамки предоставленных полномочий. Если высшее руководство сочтёт необходимым, оно само доведёт до Вас всю нужную информацию – надеюсь, этот вопрос подниматься больше не будет?

– Джонни? – не унималась Оксана, прихлёбывая горячий напиток. – Интересно, а у тебя, – она посчитала, что к равнозначному коллеге можно обращаться на «Ты» (тем более что роль главной она, бесспорно, уже взяла на себя), – случайно нет теоретической возможности узнать у «своих», чем именно занимаются вверенные нам под охрану коллеги-ученые?

– Нет, – убеждённо блестя плутоватыми зенками, непрямодушно ответил специальный агент, – мне дали ровно сутки на скорые сборы и, ничего не объясняя, перебросили прямо сюда. Поверьте, мне поставлена одна, единственная, задача: исключить наступление последующих смертей и, не углубляясь в исследовательские мероприятия, успешно ликвидировать их основного виновника.

– Странно? – удивилась жгучая брюнетка, выражая неподдельную искренность. – Мне было велено приблизительно то же самое, – напряжённо задумалась, но через минуту, словно что-то неожиданно вспомнив, обратилась к главному в научной компании: – И ещё, что мне становится нескончаемо интересно... Поведайте мне, пожалуйста, мистер Джеймс – если Вас, конечно, не затруднит, – она беззастенчиво ёрничала, – и, естественно, если моя скромная просьба не составит государственной тайны – почему всё-таки Ваш российский коллега в день жуткой смерти не пошёл вместе со всеми, а – как бы это помягче сказать – немного отстал?

– Тяжело сказать что-нибудь однозначное, – разъяснял Рамирес неясную ситуацию, напрягаясь в мучительных измышлениях, – он чего-то замешкался – то ли с личными вещами разбирался, то ли с подручным инструментом возникли какие неясности, то ли просто приспичило в туалет? – всё же прискорбный факт навсегда останется загадочной тайной.

– Ладно, – махнула рукой дотошная сыщица, поняв, что, как бы она не старалась, вывести ей всё одно ничего не удастся, – господа профессора и просто ученые, дело ваше: не хотите посвящать нас в истинные детали – что же тут скажешь? – делайте как хотите. Однако, я полагаю – нет, я просто уверена! – все те ужасные неприятности, какие происходят в суровой зимовке, напрямую связаны с вашим чрезвычайно засекреченными трудами. Но это не главное! Я нисколько не сомневаюсь – жуткие смерти будут ещё. Так что, глядите, уважаемые изобретатели, как бы одному из вас не отправиться вслед за Поповым.

Засим затянувшееся совещание благополучно закончилось, и все прямые участники направились в единственную столовую, потому что давно уже подошло время общего ужина.

Глава III. Прогулка

Непросторное помещение, предназначенное для приёма неизысканной пищи, как и всё в международной станции, выглядело небольшим, имевшим метраж три с половиной на пять; внутри устанавливалось четыре продолговатых стола, за которыми зараз могло поместиться не больше шести человек. Двенадцать членов подсобной obsługi уже разместились за двумя столовыми предметами, друг аналогичными другу. Учёным накрывалось отдельно, из расчёта, что их осталось всего четыре персоны. Обеденный стол, самый ближайший к выходу, содержал на себе всего три пластиковых подноса, предназначенных для равного количества едоков. Именно за ним и пришлось разместиться оперативным сотрудникам. Когда они пришли, за ним находился ремонтный рабочий, отвечавший в сборной команде за техническую исправность и дизельного генератора, и отопительной системы, и электрических аппаратов. Повар и два его помощника питались отдельно, когда убирали за основным составом полюсного зимовья.

Едва усевшись на деревянную лавку и взяв железную ложку, Оксана решила познакомиться с сидевшим рядом понурым специалистом. Оказалось, Иван Картонкин являлся техником-инженером, достигшим тридцатитрёхлетнего возраста. Не обойдя профессиональную привычку, первым делом въедливая сыщица его как следует изучила: средний рост не выделялся чрезмерным величием, а худощавая фигура не отличалась развитой мускулистостью; невзрачная физиономия имела овальную форму и обозначалась широковатыми, словно точёными, скулами; тёмно-зелёные глаза, казавшиеся уставшими, выражали некую подсознательную тревогу, а смущённый взгляд наполнялся нескрываемым недоверием; прямой нос заканчивался густыми усами, под которыми скрывались выпуклые, широкие губы, предполагавшие открытое дружелюбие; с нестриженной головы, полностью закрывая уши, волнистыми локонами спускались давно не мытые чёрные волосы; особенно выделялась специальная одежда, отличавшаяся символикой, передававшей очевидную принадлежность к «Газпрому».

Внимательно его рассмотрев, Бероева (не забывая интенсивно пережевывать рисовый плов) пустилась в незамысловатые расспросы и попыталась молчаливого члена арктической экспедиции, показавшегося ей чем-то «загруженным», по-свойски разговорить:

– Скажи, Иван, ты, наверное, в курсе, что у вас при странных обстоятельствах погибли трое сотрудников?

– Конечно, – отозвался унылый собеседник не слишком охотно, но и не исключая дружелюбной улыбки, – сам помогал последнего заносить, – он взял небольшую паузу, но через минуту, поняв лёгкий кивок, как разрешение продолжать, немедля возобновился: – Нашли его примерно в километре отсюда, поэтому пришлось покойника тащить гружённым на санки. Хорошо ещё, был мороженный и не сильно вонял, а то от одного его ужасного вида меня тогда бы «вывернуло» наружу; в тот скорбный день, могу заверить, зрелище представлялось просто невыносимым.

– Охотно с тобой соглашусь, – любознательная девушка продолжала бесцеремонно допытываться, – сама видела его растерзанный труп; но меня интересует нечто другое...

– Что именно? – поинтересовался инженерный работник, обозначившись настороженным недоверием.

– Вот ты говоришь, что присутствовал, когда обнаружили мёртвое тело, – попыталась сотрудница МУРа выяснить как можно больше детальных подробностей, – а видел ли ты там какие-нибудь следы?

– Нет, не наблюдалось совсем ничего, – немного подумав, убеждённо заверил Картонкин, – местность здесь открытая; постоянно дует небольшой ветерок, а он за десять минут способен вчистую сравнять любую поверхность.

– Да, Джонни, приведённое условие значительно усложнит наше тщательное расследование, – обратилась она к американскому сослуживцу, – без ясных отпечатков и неперменного участия всех присутствующих людей, дознаться до объективной истины будет, ох! как непросто.

– Соглашусь, Ксюша, с тобой абсолютно, – выразил О’Нил профессиональное видение, – дело представляется сложным. Ну, ничего, я думаю, общими усилиями мы непременно его распутаем.

Тут, словно что-то невольно припомнив, он неуверенно продолжал:

– Чем прекрасная леди собирается заниматься сегодняшним вечером?

– А что?.. – игриво вскинула брови красивая девушка. – Разве здесь имеются светские развлечения, а ты, как истинный джентльмен, хочешь предложить мне какое-нибудь из них?

– Нет, – замотал головой американский оперативник, – просто я подумал, что неплохо бы выбраться наружу и добросовестно осмотреть близлежащую местность – ты как, не возражаешь против лёгкой, недолгой прогулки?

– Стоп! – встрепенулась Бероева, зажигаясь загадочным блеском. – У меня есть идея получше: а не взять ли нам единственный трактор и не прокатиться ли к таинственному пристанищу, где ученые ведут то ли научные изучения, то ли потусторонние изыскания?

– Навряд ли получится, – злобно сверкнул глазами Джонни, не оставив необычную мимику без внимания сосредоточенной россиянки, – ключи от замка зажигания находятся у профессорского состава – а они! – прилежно их хранят у себя. Кроме того, мы даже не знаем, в какую сторону они ездят, а при отсутствии навигационных приборов, заблудиться здесь намного проще, чем, скажем, в незнакомом лесу, расположенном в привычном, естественном окружении.

– Да, особенность действительно необычайно серьезная... – не до конца согласилась недоверчивая брюнетка, не оставляя скабрёзной мысли, чтобы любыми путями дознаться, какую же страшную тайну скрывают учёные. – Что ты там говорил?.. Кажется, приглашал на небольшую прогулку? Ну что ж, я вполне готова совершить непродолжительный послеобеденный променад – веди, мой друг, веди меня дорогой врага... – переврала она на собственный лад известную детскую песенку.

Загоревшись неожиданным предложением, московская сыщица закончила плотный ужин, а следом отправилась одеваться в тёплые вещи. Расторопный американец оказался почти готовым: ему требовалось лишь накинуть верхнюю куртку, снятую немногим ранее. Когда нетерпеливая оперативница в течении пяти минут собралась, он, целиком экипированный и подготовленный к выходу в пустынную неизвестность, ожидал её возле входного бункера. Как и на нём, на осмотрительной девушке, уже успевшей познакомиться с северным морозным дыханием, были надеты носимые вещи, наиболее пригодные для нормального похода в критических условиях студёного холода; не позабыла она и про табельное оружие, поместив его в оперативной кобуре, надёжно сокрытой под толстой «аляской».

– Я готова, – произнесла Оксана уверенным голосом, – пора выходить.

Джонни проделал аналогичные телодвижения, что и недавно при входе, не позволяя полярному воздуху беспрепятственно проникнуть внутрь зимовочной базы. Наконец надёжно закрылась последняя дверь, а они оказались на арктической улице. Нараставшая луна скрылась за плотными облаками, сплошь затянувшими бескрайнее небо и интенсивно посыпавшими мелкими, крупенистыми снежинками; принималось пуржить, ветер поднялся до тринадцати метров в секунду, а по округе сделалось настолько темно, что даже подсвечивая электрическим фонарём, приходилось двигаться буквально наощупь.

– Не совсем удачное время мы выбрали для пеших прогулок! – громче обычного, чтобы перекричать ненастную непогоду, поделилась озабоченная оперативница, склонная признать

полную бесполезность необдуманной вылазки. – Здесь же ни зги не видать! Как бы нам самим невольно не потеряться?!

– Для того, Ксюша, и придумали специальные стальные пути! – прокричал Джонни, передавая российской напарнице широкий пояс, который удерживал на левой руке. – Одевай и цепляйся за металлический трос! – высказал он самое разумное предложение.

Не снимая меховые варежки, послушная девушка нацепила протянутый прочный ремень. Удивительное дело, всего единственным лёгким движением он крепился на массивную латунную пряжку; к ней присоединялся конец витой веревки, имевшей в длину около сорока сантиметров и заканчивавшейся объёмным никелированным карабином (используемым в альпинистском и туристическом снаряжении). Следуя примеру бывалого спутника, неустрашимая брюнетка пристегнулась к стальному канату, после чего, ступая шаг за шагом, они двинулись в заснеженный путь. Меньше чем через десять метров показалась первая развилка, и обоим участникам смелой вылазки, до конца никем из них не продуманной, пришлось перестегнуть дальние карабины на ответвление, уходившее в правую сторону.

– Куда мы идём?! – поинтересовалась сотрудница уголовного розыска, продолжая выкрикивать громче обычного, словно бы споря с навалившимся непроглядным ненастьем.

– К топливной бочке! – повышенным тоном прояснил ей штатовский фэбээровец, куда направлена конечная цель их недалекого путешествия. – Именно там нашли второй труп! Помоему, – ТО! – что его убило, находится где-то рядом! Может, оно вернулось и терпеливо выжидает там новую беспечную жертву?!

– Странно?.. Здесь что, так часто ходят в интересующем направлении?! – удивилась несведущая оперативница, по её мнению бредовой идее (она отчетливо понимала, что подающие трубы находятся глубоко под снежным покровом, а соответственно, нет никакого оправданного толку их осматривать постоянно). – Но зачем?! Ведь, насколько я понимаю, горючего топлива хватает по меньшей мере на месяц?!

– Ходят туда действительно редко, – согласился заезжий американец, – но прожорливая «зверюга» может всех принятых тонкостей просто не знать!

– Ты, правда, думаешь, что мы расследуем кровожадные проделки какого-то крупного хищника?! – расхохоталась опытная сотрудница МУРа, а вдоволь насмеявшись, серьёзно напутствовала: – Лично я полагаю, что кто-то, пока неизвестный, – из числа тех, кто находится либо на базе, либо в местности, куда каждый день уезжают учёные – намеренно водит нас за нос!

– И я склоняюсь к похожей версии, – не оспорил предложенное мнение специальный агент; но он и не постеснялся неприветливо наморщить лицо, суть выражения которого (из-за темноты и капюшона) надёжно скрылась от зоркого глаза Бероевой, – но ежели мы имеем дело со случаем со вторым, то непосвящённому убийце могут быть и не известны установившиеся привычки!

– Извини, Джонни, – вдруг осознав, что совершила непростительную ошибку, куда более вежливым тоном российская сыщица попыталась загладить видимую вину, – я не подумала!

За рассудительными речами они достигли очередного металлического штыря, намертво вбитого в ледяное покрытие. От него протягивалось новое ответвление, шедшее вправо и отходившее ровно под углом в девяносто градусов. Ловким движением О’Нил «перестегнулся» по ту сторону выросшего препятствия.

– Делай как я! – крикнул он, подсвечивая Оксане большим аккумуляторным фонарём.

Юркой красавице не составило особого труда повторить несложные действия, а затем неясный путь продолжился дальше. Заинтересовавшись пропущенной веткой, она не преминула заметить:

– Поясни, пожалуйста, Джонни, а второй конец, что ушёл от нас по правую руку, – куда направляется он?!

– В стационарную котельную, – ответил специальный агент, – а далее к снегоходу! Накануне, ещё в неярком свете растущей луны, я основательно обследовал всю ближайшую территорию, а значит, могу утверждать с определённой уверенностью!

– Ясно! – снисходительно заключила Оксана, продолжая неотступно двигаться следом за словоохотливым провожатым, всё более удаляясь от основного полярного комплекса.

Постепенно они приблизились к выбранной цели, где мощная четвероногая конструкция, сваренная из металлических уголков, поддерживала огромную ёмкость, вмещавшую до ста двадцати тонн обыкновенной солянки; с нижней части спускались две тонкие трубки, терявшиеся в снежном покрытии толстого льда. Интернациональные напарники только-только хотели обойти массивное строение кругом... Но вдруг! Со стороны зимовочного комплекса до них донеслось зловещее, как будто бы неземное, рычание. Практически сразу же следом за ним раздался пронзительный крик, наполненный чудовищным ужасом и повторившийся подряд не меньше трёх раз; невероятная жуть, непередаваемая никакими человеческими словами, усиливалась дувшим с того направления порывистым ветром.

– Где это?! – спросила ошеломлённая девушка голосом, наполненным сверхъестественным трепетом.

Нельзя утверждать, что она слишком уж испугалась, но полная неожиданность, сопутствовавшая дьявольскому явлению, поневоле сжала мужественное сердечко, пускай и закалённое в многочисленных переделках, но остававшееся живым, целиком человеческим. Когда миллионные мурашки закончили интенсивно перебегать по стройной спине, она настойчиво взглянула на Джонни, ожидая, что он развеет существующие неясности и приведёт хоть сколько-нибудь логичные доводы. Американский спец-агент, изображая неестественно сильный испуг, только и смог что машинально ответить:

– Это, наверное, у котельной?! Но, черт возьми, что такое там может быть?!

Справляясь с подавленным состоянием, Оксана неожиданно резко произнесла:

– Пойдём и посмотрим!.. Возможно, успеем!

О'Нил, воодушевленный отчаянной смелостью, проявленной отважной красавицей, с готовностью согласился. Они двинулись обратной дорогой, подгоняемые назойливой мыслью, что недавнее событие поможет постичь существующую зловещую тайну. Достигнув второго разветвления, молодые оперативники переключили альпинистские карабины на примыкавшую ветку. Обогнув зимовочный комплекс по правую сторону (если рассматривать от главного входа), они приблизились к следующему стальному разъёму. Перекинув металлические захваты на металлический путь, подводивший к жилищному комплексу, далеко впереди, по ходу движения, коллеги-напарники разглядели слабенькое свечение. По мере сближения, оно становилось всё ярче и ярче. Они ещё не дошли, а озадаченный фэбээровец внезапно остановился: тряская дорога закончилась, и он упёрся в торчавший изо льда металлический штырь. Разыгравшаяся не на шутку сплошная пурга создавала смутное впечатление, что до котельно-генераторного помещения остаётся, как минимум, полсотни заснеженных метров. Иллюзия в идеале оказалась обманчивой: до открытой дверцы оставалось не больше двухсот сантиметров. Прямо к ней тянулась стальная веревка, заканчивавшаяся в приваренном к корпусу железном кольце.

Разделительный тамбур, расположенный с левого края зимовочной инфраструктуры, был немногим меньше центрального и имел размеры, не превышавшие метра на полтора. Как не покажется странным, обе двери угадывались открытыми, позволяя непроглядной пурге энергично заваливать всё внутреннее пространство и посыпать его густо летящим мелким снежком. В срочном порядке подоспевшие сыщики поспешили вовнутрь, не замедлив затвориться стальными створками и не упустив из настороженного внимания окружающую обстановку, тревожную и тоскливую. Но вот оба они очутились внутри! Картина, представшая их удрученному взору, сплошь и рядом представлялась кошмарной: всюду валились крохотные ошметки чело-

вечьего тела; скользкие полы и липкие стены обильно обгалялись невысохшей кровью. Что бы здесь не случилось, но технический узел оказался пустым; силовые же агрегаты на общее удивление работали исправно и никаких следов повреждений не демонстрировали.

– Тихо! – воскликнула остроглазая сыщица, одновременно скидывая глухой капюшон. – Не двигаться! Здесь, кажется, есть следы! Кроме того, – стараясь выглядеть милой, сказала она гораздо спокойней, – тут может быть заминировано. Мы ведь так и не знаем, с кем нам в итоге приходится иметь дело? Не исключается, на международной станции орудуют скрытые террористы – кто поручится, что я не права?

Показательным жестом подняв кверху правую руку, словно бы привлекая особенное внимание (но как бы и приказывая второму напарнику, чтобы тот оставался на месте), пытливая девушка нагнулась к металлическому половому покрытию и, подсвечивая себе карманным фонариком, принялась рассматривать оставленные внизу нечёткие отпечатки; в большинстве своём они являлись размазанными, но вот один (словно бы специально?) оставался пригодным для скрупулёзного изучения.

– Компетентного эксперта у нас не имеется, – произнесла умудрённая полицейская, – так что придется разбираться и делать окончательные выводы самим, – она чуть отстранилась в сторонку, – посмотри, Джонни, что у нас есть и что удалось раздобыть.

Оксана провела указательным пальцем по пыльному слою, точно рисуя магический круг, а затем чуть-чуть отошла, предоставляя американскому спец-сотруднику полюбопытствовать над оставленным отпечатком. На что же он был похож? С виду обыкновенная человеческая нога, правда имевшая размер не меньше пятидесятого (а может, и больший?). Но это что?! Самым странным считалось другое: представленный след проставлялся голый ногой, заканчивавшейся огромными когтями, мощными и длинными, загнутыми чуть книзу. Такая уверенность возникала в результате того, что возле каждого пальца, примерно на удалении трёх сантиметров, в половую сталь будто втыкались остренькие штыри, прочные и цилиндрические, на конце сведённые в заточенный конус.

– Ну? – скрестив на великолепной груди обе руки, поинтересовалась российская сыщица, после того как она закончила дополнительный осмотр механических агрегатов, произведённый на предмет выявления взрывоопасных устройств и прочих чреватых веществ. – Что ты, Джонни, обо всём увиденном думаешь: об оставленном отпечатке, об отсутствии мёртвого тела? Ведь тот прискорбный случай, какой недавно здесь имел место быть, явно указывает на бесспорное наличие следующего покойника, как и все остальные, убиенного крайне жестоко. Ну, так что же ты, дорогой напарник, мне вразумительного ответишь?

– Даже не представляю, что и сказать? – выпрямляясь, развел руками О’Нил. – Действительно, похоже на какую-то человекоподобную «зверюгу», достигшую огромного роста.

– Я так понимаю, – недоверчиво усмехнулась Оксана, – бестолковая речь заходит про йети.

– Йети? – не понял американец.

– Да, – кивнув утвердительно, проницательная девушка той же секундой сообразила, что «тупой американец», наверное, не знает прямого определения, поэтому моментально поправила и перевела нехорошее выражение на английский язык: – Снежный человек – так у нас его называют.

– Вполне возможно, – пожал плечами американский агент, – мы ведь не знаем всех существующих природных загадок? По-моему, раз исследовательская экспедиция зимует здесь долго впервые, то нет ничего удивительного, что проявилось некое необычное существо, до сих пор либо успешно скрывавшееся, либо просто не желавшее себя как-нибудь обнаруживать...

– Которое, несмотря на ужасающий холод, предпочитает гулять босиком, – закончила за иностранным напарником критичная полицейская, не позабывшая скривиться в ехидной усмешке, – однако лично меня в настоящем случае сразу же посещает вопрос: а чем, стесняюсь

спросить, то самое животное питалось здесь до сих пор? И потом... где жилó, чем занималось? Тебе самому не смешно от собственных необоснованных утверждений? Нет, я уверена, здесь что-то иное; но что, я пока разъяснить не готова – надо искать обезображенный труп. Может быть, именно он чего-нибудь да подскажет?

– Где мы его в непроницаемую непогоду найдём? – искренне удивился специальный агент. – Смотри, как сильно метёт! Если встанет полярный циклон, то снежная пурга растянется на несколько дней. Тогда всю северную округу скроет под толстым снежным покровом, а под ним отыскать замерзшее тело, эх! потребуеться нечто большее, чем простое везение.

– Знаю, – опечаленно призналась Оксана, – с малоприятными особенностями здешней природы я немного знакома. Ладно ещё, отрицательная температура не падает ниже, чем минус сорок, а то, возьми, вон в той же Антарктике – так там и восемьдесят может ударить.

Тут ей в светлую голову закралось очередное сомнение, и сметливая оперативница обязательно вознамéрилась его разрешить.

– Как ты думаешь, Джонни? – вдруг спросила она. – Кто пострадал на этот раз? Случайно не тот инженерный сотрудник, что ужинал вместе с нами?

– Вполне вероятно, – согласился О'Нил, поддаваясь печальному настрою Бероевой, – кроме него, за техническими агрегатами никто не следит.

– Теперь, наверно, придётся, – придавая милому личику злобное выражение, проговорила Оксана, – вот черт! – не упустила она редкого случая непреднамеренно матюгнуться. – Ведь не прошло и какого-то часа, как он, живой и здоровый, мирно кушал с нами в одной столовой. Надо бы с нашим расследованием чуть-чуть поспешить, а то скоро на северной станции вообще никого не останется. Что я хочу сказать? Наша основная задача будет провалена и охранять станет некого.

Большого в котельном помещении выяснить всё равно бы не получилось, поэтому двое сотрудников правоохранительных органов (пусть и из разных стран, но волею злосчастной судьбы наделённые одинаковой миссией) приняли твёрдое решение возвращаться обратно.

Глава IV. Уже четыре

Когда озадаченные оперативники выбирались из отопительного отсека, на улице пуржило значительно больше. Не растрчивая драгоценное время попусту и следуя обратно тем же путём, они постепенно вернулись к главному входу. Оказавшись поблизости, пока Джонни крутил запорное колесо, зоркая девушка, слегка нагибая голову, чтобы спрятаться от жгучего ветра, заприметила на снежном покрытии слабо различимые бурые пятна. Нагнувшись пониже и поведя по запорошенному насту левой рукой, окутанной меховой беспалой варежкой, она увидела кровавые точки, хорошенечко занесённые свежим снегом; тянулись они в сторону, противоположную топливной ёмкости. В то же самое мгновение О'Нил открывал первую входную дверь и собирался незамедлительно проследовать внутрь.

– Подожди! – крикнула озабоченная оперативница, перецепляя металлический карабин на металлический трос, следующий в направлении, противоположном котельному помещению. – Определённо тут что-то есть! Необходимо проверить!

«Вот настырная девка!.. Прямо всё ей неймётся», – чертыхнулся удручённый американец мысленно, вслух же, стараясь перекричать воющую непогоду, прикрикнул:

– Конечно, а что там?!

– Перед входной дверью всё залито кровью! – стараясь выразаться как можно громче, прокричала Оксана, – Надо проверить! Может, это наш техник?!

– Хорошо! Я иду!

Они двинулись по стальному пути, огибавшему полярную зимовку, но только с другой стороны. Удалившись метров на десять, сотрудница МУРа, шедшая впереди, услышала справа, на незначительном отдалении, какое-то пугавшее шевеление и... как будто звериные хрипы. На миг ей даже показалось, что она различает злобное сопение и неподражаемый лязг твёрдых зубов, напоминающий характерный железный оттенок. Продолжаясь, кровавый след делал резкий отвод, прочь удаляясь от основного зимовочного строения.

Для того чтобы чуть отклониться и лично убедиться, что же там в точности происходит, требовалось отцепиться от стального троса и шагнуть в беспросветную, «чёрно-белую» мглу.

– Я бы не советовал! – споря зычным голосом с бушующей непогодой, громко выкрикнул специальный агент, разгадавший необдуманный замысел и приблизившийся едва-едва не вплотную. – Запросто потеряешься – нужен дополнительный трос! Жди, я сейчас принесу!

Неудивительно, что услужливый американец высказал вполне нормальное предложение, потому как и он прекрасно расслышал раздававшиеся поблизости жуткие звуки. Особенно не раздумывая, он не замедлил отправиться обратной дорогой, а назад вернулся не раньше, чем минут через десять. Всё время его продолжительного отсутствия Бероева слушала страшное лязганье, перемежавшееся со специфической интонацией раздираемой плоти. В какой-то момент ей послышалось странное, не похожее на ушедшего спутника, шевеление, требовавшее немедленных действий. Мгновенно реагируя, она инстинктивно сняла меховую варежку и по-быстрому засунула правую руку под верхнюю куртку. Бойкая сыщица обхватила тёплую рукоятку боевого оружия – в любую секунду она готовилась выхватить его из подмышечной кобуры и открыть прицельный огонь по приближавшейся цели.

За две секунды до появления Джонни, все тревожные шумы внезапно утихли. Сам он возник настолько неожиданно, насколько Оксана, ненамеренно вздрогнув, выхватила заряженный пистолет и направила его на возникшего из беспросветной тьмы неясного человека. Ей потребовалось чуть меньше полминуты, чтобы осмыслить, что перед ней возник не кто иной, а лично американский коллега; она мгновенно расслабилась, после чего, чувствуя обжигающий холод, спрятала служебный «макаров» назад, а заодно и убрала с морозного воздуха оголённую милую руку. Нежная ладошка подвергалась воздействию полярной стужи не более тридцати

секунд, однако всё равно успела почувствовать «холодный ожог», добавивший неприятных, если и не болезненных ощущений. Обращать на лёгкое повреждение дополнительное внимание? Времени не было, поэтому, спрятав правую ладонь обратно за пазуху, она приготовилась следовать дальше.

Прибывший фэбээровец, никак не отреагировавший на предпринятые контрмеры, привязал один конец принесённой витой бечёвки к стальному пути. Закончив нехитрые приготовления, он продел другое окончание через собственный карабин и привязал его за схожее приспособление, имевшееся на поясе россиянки, – теперь можно было уверенно выдвигаться.

Чтобы следовать с высокой продуктивностью, Бероева, отцепившись от основного каната, присела на корточки и, продолжая удерживать основную руку на огнестрельном оружии, подсвечивала себе карманным фонариком, им же разгребала навалившийся снег и обнажала скрытые кровавые капли. Удалившись метров на десять-двенадцать, она наткнулась на человеческий труп, скованный жутким морозом и изуродованный до полной неузнаваемости.

– Хватай его! – крикнула деловая оперативница подошедшему Джонни; она ловко перехватила за верёвку, оказавшуюся сзади него, чтобы той же секундой следовать к спасительной базе. – Нужно оттащить его на основную зимовку и хорошенько там осмотреть! Ты несешь ценный «груз» – я прикрываю! – Распределила она прямые обязанности.

– Понял! – согласился беспрекословный американец, понимая, что непривлекательная обязанность в любом бы случае легла на мужские, сильные плечи.

Подхватив убитого мертвеца под мышки, О’Нил направился вслед за Оксаной, которая периодически подёргивала за тугую веревку, указывая истое направление; так они быстро добрались до стального пути. В который раз успешно перецепившись, межнациональные оперативники освободились от ненужной бечёвки и двинулись к главному входу. Первым шёл специальный агент, подтаскивая за собой истерзанного покойника. Прикрывавшей россиянке пришлось замыкать, продолжая подсвечивать электрическим фонарём и не забывая пристально вглядываться в окружающую их «чёрно-белую» мглу.

Постепенно неотступные напарники приблизились к основной металлической створке, позволявшей попасть во внутреннее пространство. Пока Джонни возился с запорным устройством, фартовая девушка, с ноги переминаясь на ногу, неожиданно обо что-то запнулась. Подавшись естественной интуиции, она пониже нагнулась и в основании металлического штыря, вбитого в ледовый верх бескрайнего океана, обнаружила конец витого верёвочного каната, отдельно отходившего в обратную сторону; его давненько запорошило, и, если бы не случайность, навряд ли немаловажную находку смог бы кто-нибудь обнаружить. Потянув её на себя, московская сыщица очень скоро нашла дальнейшее окончание, как оказалось, валявшееся поблизости и аккуратно обрезанное острым предметом; общая длина выявленной улики не превышала двадцати пяти метров. «Странно? Кто-то здесь очень любит гулять в кромешную непогоду, и притом невероятно спешит – да так! – что даже не трудится отвязывать вспомогательное приспособление», – подумала про себя Бероева, решившая любопытный факт сохранить покуда в глубокой тайне, тем более что её уже подзывал нетерпеливый, несдержанный фэбээровец, находившийся в разделительном тамбуре зимовочного строения. Перестегнув страховочный карабин, чтобы обогнуть распределительный штырь, через пару метров она вышла к приоткрытому входу зимовочного сооружения.

Оказавшись внутри, где имелось приемлемое освещение и где отсутствовал заснеженный ветер, коллеги по правоохранительной деятельности разглядели те страшные останки, какие им посчастливилось отбить у неизвестного ирода и какие удалось сюда принести; ими оказалось жуткое подобие мёртвого человеческого тела. Как и в первых трёх случаях, разгрызенная голова наполовину отсутствовала, причём вместе со всем мозговым веществом; одежда, некогда прикрывавшая худощавую грудь, была разорвана в мелкие клочья; начиная от худощавой шеи и до самого паха, оголённое туловище растерзывалось словно при вскрытии; внутренние

органы казались словно кем-то изъеденными, а некоторые и напрочь отсутствовали; помимо перечисленных ужасов, не присутствовало обеих нижних конечностей (только обглоданные половинки толстых костей торчали из тазобедренного сустава). Как уже говорилось, своеобразные мощи, что остались от мужского туловища, заморозились и нисколько не кровоточили.

– Это, точно, не инженерный техник, – закончив с первоначальным осмотром, произнесла российская сыщица, снимая головной капюшон, – у того спецодежда была от «Газпрома», а настоящие логотипы указывают на чёткую принадлежность к нашему МЧС.

– Да, – согласился американский агент, – но что же, получается, Иван жив? Тогда непонятно, что в таком случае делал на улице этот?

– Вопросов много, – согласилась Бероева с озвученным мнением, – и к ним обязательно потребуется искать прямые ответы; но для начала – чтобы не тащить чудовищные останки через все помещения – кому-то надо смыкаться к Доку и взять у него специальный пакет. Потом, уже в его личном присутствии, детально изучить изуродованное туловище, а заодно разузнать: что за нелёгкая нужда погнала в стихийную пургу человека, к великой досаде, пока ещё неизвестного?

Так и поступили: вначале О'Нил принёс переносное средство, затем вдвоём погрузили в него истерзанный труп, а после всего перенесли его в зимовочную лечебницу. Перед тем как начать изучать очередного покойника, Майкл осмотрел неосторожную девушку, а точнее, повреждённую руку, подвергшуюся воздействию сильного холода. По его профессиональному мнению, она получила первую степень обморожения, что не являлось серьёзным ранением, и можно было обойтись без надлежащей повязки, единственное, протереть травмированную конечность специальной смягчающей мазью. Обработав обмороженную кожу, предупредительный врач отдал неусидчивой сыщице весь лекарственный тюбик, посоветовав наносить его не реже, чем через каждые пару часов. Разобравшись с нехитрым, но важным занятием, перешли к непосредственному рассмотрению мёртвого трупа. Освободив его от верхней одежды и действуя под руководством опытного врача, интернациональные оперативники принялись тщательно изучать человеческое туловище, изуродованное до внешней неузнаваемости. Ничего нового обнаружить не удалось, а из всего увиденного складывалось стойкое впечатление, что убитый мужчина подвергся страшному нападению какого-то крупного зверя.

– Единственное, – заметил Джордан, указав на характерное углубление в половинке, оставшейся от правой почки, – вот это отверстие я бы отнёс к категории колото-резанных ран, нанесённой острым, нетолстым предметом, похожим на русскую финку, ну, или складной, перочинный ножик.

– То есть, Майкл, если я правильно понимаю, – утверждалась в навязчивой мысли Оксана, – Вы хотите сказать, что существует немалая вероятность, будто умерщвлённый сотрудник сначала был ранен – или даже убит? – нормальным человеческим способом и только потом истерзан, как нам пока представляется, непонятно зачем... правильно ли я поняла представленную теорию?

– Что-либо конкретное утверждать в настоящем случае я бы не стал, – медицинский специалист попытался сгладить неоднозначное заключение, не имевшее под собою фактических подтверждений, – скажу лишь, что такая возможность не исключается.

– Я твёрдо уверена, что Ваше обоснованное подозрение не лишено практического, здравого смысла, – заявила Бероева, деловито нахмурившись, – оно подтверждается тем странным условием, что, когда мы возвращались вместе с покойным, я нечаянно заметила пустую веревку, привязанную к распределительному штырю и закрепленную в самом его основании – да так! – чтобы её непременно не было видно. Я уже почти уверена, что кто-то, определенно находящийся здесь, играет с нами в опасные игры.

– Но?.. Как такое возможно? – удивлённо воскликнул Джонни, указывая на изувеченный труп. – Кто из людей на – такое! – способен? И кстати, Ксюша, неплохо бы взглянуть на ту удивительную верёвку, загадочным образом тобой обнаруженную и только сейчас обозначенную.

– Мы обязательно на неё посмотрим, – поддержала любезная оперативница инициативное настояние, – но сначала хотелось бы повидаться с нашим соседом по обеденному столу и задать ему парочку интересных вопросов, например: почему вдруг случилось, что не он оказался в котельной, а совсем другой человек, имя которого нам пока ещё неизвестно? Кстати, кто-нибудь знает, кто он такой?

– Да, – выразил станционный врач присущую основному занятию неплохую осведомленность, – Сидорчук Виктор, причём – как оно не покажется странным? – он являлся хорошим другом Картонкина – это тот, что сидел вместе с вами за ужином.

– Раз, Док, покойного Вы более-менее представляете, тогда объясните, пожалуйста, нам: что именно входило в его прямые обязанности? – поинтересовался американский специальный агент.

– Ничего особенного, – отвечал компетентный медик, – он был – как бы получше сказать? – на подхвате, что ли... выполнял различные мелкие поручения, а бывало, подменял Ивана в котельной. Вот и теперь, не иначе он отправился туда с какой-нибудь естественной целью.

– Приведённое мнение лишний раз подтверждает, – убедительно заявила Бероева, – что в срочном порядке необходимо с ним пообщаться, и чем быстрее, тем лучше, дабы исключить нежелательную вероятность очередного негативного следствия. Я начинаю чувствовать, что мы находимся «где-то рядом».

На том и порешили. Однако осуществить придуманный замысел оказалось не так-то просто: станционный техник-электрик словно бы «канул в воду» и нигде не удавалось его отыскать, даже несмотря на то, что зимовка не являлась слишком большой и что осмотрели в ней каждый угол и закоулок. (можно сказать, что и холодное помещение с обезображенным, безжизненными трупами не осталось без пристального внимания).

Когда для всех троих стало более чем очевидно, что во внутренних помещениях обнаружить нужного им человека никак не получится, решили собраться у Джордана и под громким секретом обсудить всем вместе текущее положение.

– Он может находиться в котельно-генераторном отделении, – заметил иностранный представитель сыскаго агентства, – там находится его основное рабочее место. Если так, то отсюда нам его никак не достать: вход туда осуществляется только снаружи.

– Не исключено?.. – над чем-то раздумывая, машинально подумала Ксюша, а следом резко одёрнувшись, заговорила намного осмысленнее: – Получается, он причастен ко всем четырём убийствам? Только мне не очень понятно: зачем всё так усложнять? Сначала заманивать близкого друга в обогревательную каморку, затем умерщвлять его там жестоко – до крайности! – а потом ещё и тащить – зачем-то? – мёртвое тело к общему входу – непонятно, каким сверхъестественным образом? – где привязываться длинной веревкой, но обязательно так, чтобы уже через какой-нибудь час её невозможно бы было найти. Но и это ещё не всё! Далее, оттащить тяжёлое тело на приличное расстояние, нещадно его растерзывать и скрываться неизвестно куда... Что-то слишком уж много здесь непонятного – никому так не кажется?

– Может, его основная цель – подкинуть следующий труп таким образом, чтобы его непременно нашли? – выразил неглупую мысль американский оперативник.

– Интересно, – усмехнулась Бероева, скривившись в язвительную физиономию, – как он рассчитывал, что мы в сплошную пургу сумеем изуродованное тело найти? Уверена, ещё пару часиков, и его занесло бы настолько, что и совковой лопатой не отгребешь.

– Все равно, Ксюша, – возразил О’Нил, едва сдержавшись, чтобы не ответить похожей гримасой, – пока мы не найдем пропавшего человека и с пристрастием его не опросим, ничего конкретного сказать не получится.

– В том плане, что нам необходимо обнаружить Картонкина, я с тобой, Джонни, всецело согласна, – озаряясь миловидной улыбкой, произнесла российская сыщица, – но, как мы все согласились, найти его пока невозможно. Немного переиначивая, спрошу: что теперь, прикажете, в спокойствии сесть и сложить в бездействии руки, ожидая, что последует дальше? Разумеется, нет! Я не знаю, как там у вас, в Америке, мистер О’Нил, но у нас, в России, не принято оставаться без дела: мы планомерно отработываем все возможные версии, пока не остаётся одна, как правило, оказывающаяся единственно правильной. В связи с изложенным, лично я предлагаю следующее: временно отложить в сторону мистические предположения и о мифической «зверюге», и о загадочном «электрическом технике», а попробовать пораскинуть затуманенными мозгами и попытаться отыскать, чего же мы упустили, – All right?

– Да, – хором ответили оба её собеседника.

– Раз все согласны, – продолжала Оксана, придав очаровательной мордашке серьёзное выражение, – давайте подведём неутешительные итоги истёкшего дня. Итак, мы имеем: у нас четыре трупа, плюс один пропавший; получается, на данный момент в зимовочном комплексе должно оставаться четырнадцать человек обслуживающего персонала, четыре профессора и двое оперативных сотрудника – всего в общей сложности двадцать живых людей, хотя последнее утверждение требует детальной перепроверки. Что ж, давайте объявим по громкой связи, чтобы все, кто есть, собрались в комнате отдыха; там мы организуем короткий ликбез, а заодно пересчитаем всех сидящих по головам – кто возражает?

Таковых не нашлось. В сопровождении американского спец-агента Бероева проследовала в стационарную радиорубку, где, помимо местного громкоговорителя, находилась ещё и мощная радиостанция, помогавшая поддерживать бесперебойную радионую связь. Передав беспрекословное сообщение, разнополюсые оперативники отправились в актовЫй зал, где, согласно их пожелания, должны собраться выжившие члены полярной команды.

Глава V. Союзник

Помещение, где назначалось общее совещание, не превышало пяти метров в длину и четырёх в ширину; с одного края, расположенного при входе слева, на высоте двухсот сантиметров от пола, устанавливался широкоэкранный плазменный телевизор; перед ним, помещаясь в шесть рядов, расставлялись двадцать четыре стула. Именно здесь и предполагалось разместить оставшихся девятнадцать сотрудников, в том числе и штатного доктора с американским оперативником. Вести немногочисленное заседание взялась российская представительница. Ожидая, пока все остальные не соберутся, она продолжала стоять, выбрав наиболее удобное место и расположившись под выключенным телевизионным устройством. Наконец явился последний зимовщик, и кареглазая сыщица, пересчитав присутствовавших участников и сделав логичные выводы, что никого уже больше не будет, подняла вверх правую руку, призывая к повышенному вниманию. Едва в актовом зале стихло, она, чувствуя себя необычайно уверенной, с выражением начала:

– Я не буду долго задерживать ваше личное время – изложу лишь главные тезисы. Как все, надеюсь, догадываются, главная цель совместного собрания такова, что нам необходимо разобраться, как же так получилось, что за последние несколько дней здешнее сообщество лишилось аж пятерых действительных членов? Подводя печальный итог, скажу: четверо из них жестоко убиты, а один считается как пропавший без вести. И вот здесь у меня назревает наиглавнейший вопрос: кто из здесь сидящих людей что-либо знает, ну, или догадывается о случившихся трагических происшествиях?

На минуту Бероева замолчала, взяв короткую паузу и очень надеясь, что кто-нибудь соизволит высказаться либо сокровенными мыслями, либо подводящими к разгадке эмпирическими соображениями. Однако угрюмые заседатели, опустив понурые головы, предпочитали тупо отмалчиваться. Выдержав недолгую паузу, бойкая оперативница продолжала:

– Хорошо, первый вопрос остаётся открытым. Я прекрасно понимаю, что говорить в присутствии всех остальных не слишком удобно, поэтому, если вдруг у кого-то возникнет отдельное желание пообщаться лично со мной – чтобы передать мне хоть какую-то информацию – я буду рада их выслушать и окажусь признательна за выказанную в загадочном деле предметную помощь. Можете мне поверить, при создавшихся обстоятельствах ваши бесценные жизни находятся в ваших же личных руках, и ни я, ни мой американский коллега, не сможем никого защитить без общественной, самой активной, поддержки. Поразмыслите, дорогие зимовщики, надо всем мною сказанным хорошенечко и сделайте, пожалуйста, надлежащие выводы. Признаюсь, мне будет очень неприятно осматривать следующий труп, понимая, что мы так и не смогли найти с вами общего понимания и что я не сумела вас убедить о притаившейся серьёзной опасности.

Убедительная девушка вновь замолчала, чтобы перевести неугомонный бойцовский дух, разгоряченный пламенной речью, и осмотрела унылые, хмурые лица. Никто, по-видимому, так и не возжелал проявлять прямого согласия на деятельное сотрудничество. Оценив тупиковую, безрезультатную ситуацию, она перешла к назидательной проповеди:

– Раз желающих на открытый диалог не нашлось, перехожу к следующей части нашей недолгой программы. Она будет носить характер больше рекомендательный: я призываю вас к осторожности! Ненужно – ни в коем случае! – без особой нужды выбираться на улицу. Если возникает прямая необходимость, то выходить требуется непременно не в одиночку, а отдельными группами. Я просто настаиваю, чтобы каждый раз с собой брали что-нибудь, чем, в случае внезапного нападения, возможно обороняться. Защитными средствами могут использоваться любые предметы, способные причинить более или менее существенный вред. Внутри самих зимовочных помещений я точно так же не уверена в полной безопасности живущих

людей, поэтому и здесь призываю соблюдать и осмотрительную внимательность, и прозорливую дальновидность.

Едва закончив, Оксана заметила, как один из благодарных слушателей нерешительно поднимает кверху правую руку; он то потянет её, то снова опустит, будто бы сомневаясь, стоит ли привлекать к себе преувеличенное внимание. По внешнему виду он казался молоденьким парнем, по возрасту равным усердной докладчице. Когда он получил благосклонное разрешение и неторопливо привстал, то невзначай показал: во-первых, что имеет высокий рост, выделяющийся худощавым телосложением, но и не исключаящий значительной силы (что угадывалось по развитым бицепсам, выделявшимся сквозь плотно прилегавшую синюю водолазку); во-вторых, что овальное лицо представляется больше обычного вытянутым (что успешно скрывалось за длинными тёмно-русыми волосами); в-третьих, что карие глаза поблескивают лёгким лукавством, но сейчас в основном выражают скромную недоверчивость, а еще и некое трусливое опасение; в-четвёртых, что обмороженная кожа испещряется многочисленными мелкими ранками, образующимися из-за длительных пребывания на северном холоде; в-пятых, что одевается он в специальную одежду российского МЧС. «Ему бы тоже не помешала лечебная мазь, способная защитить от холодного, излишне студёного, ветра», – машинально промелькнуло в сочувственном женском мозгу. Поскольку цель собрания являлась кардинально другой, она доброжелательно кивнула, позволяя безропотно говорить.

– Рёшетов Сергей, – как и полагается, он в первую очередь представился, – у меня есть серьёзный, злободневный вопрос: правда ли, что наши покойные товарищи подвергались нападению огромного хищного зверя никому не известной породы?

– Не факт, – жёстко возразила Бероева, плавным мановением предлагая молодому человеку садиться (она отлично его поняла, что основная цель интереса предполагалась кардинально иной), – хотя в чём-то и соглашусь. Да, действительно, оставленные на мертвых телах ужасные раны больше характерны для нападения, осуществленного каким-нибудь дивным животным, нежели обыкновенным, среднестатистическим человеком. Вместе с тем никто ничего похожего так пока и не видел, а значит, утверждать о непременном наличии некой диковинной сущности лично я, как понимаете, не возьмусь. Возвращаясь к сказанному, вновь повторюсь: максимум осторожности, а при обнаружении любого, вызывающего подозрение, факта, немедленно ставить меня в известность, и желательно в наикратчайшие сроки.

На той, не совсем утешительной ноте, расстаравшаяся докладчица справедливо предположила, что общее собрание можно уже заканчивать. Не видя других желающих, вольно или невольно выражающих согласие пообщаться, она убедительно заявила:

– Если ни у кого нет насущных вопросов, предлагаю всем расходиться.

Молчаливые участники все разом поднялись и поочередно направились к выходу; в актовом зале задержался лишь американский специальный агент.

– Чем, Ксюша, собирается скрасить вечерний досуг? – спросил он, намекая, что был бы не против скоротать приближавшуюся ночь с ней вместе. – Делать всё одно пока нечего, тем более что уставшие члены экспедиции улягутся сейчас спать – может, где-нибудь уединимся да узнаем друг друга поближе?

– Извини, Джонни, но при первом свидании к поспешному сексу я отношусь, скажем так, настороженно, – незамысловато отшутилась кареглазая россиянка.

Она заметила, что недалеко от выхода, ведущего из общественной залы, стоит самый активный слушатель, отметившийся в ходе недавнего совещания неохотным желанием высказаться. «Наверное, он ко мне»? – предположила Оксана, мысленно размышляя о нетипичном, зато ожидаемом проявлении. Между тем О’Нил, уловив в мелодичном голосе некую озабоченность, не нашёл ничего наилучшего, как отрешенно промолвить:

– Как знаешь?.. А не то, гляди... не пожалеешь.

Оказывается, как истинный американец, он и не думал шутить, а на полном серьёзе предлагал русской коллеге вступить с ним в интимную близость. Безошибочно распознав, что перед ним находится личность стойкая, крайне принципиальная, специальный агент подумал, что «пока не выдалось охочее время», и, неприветливо попрощавшись, пошёл в занимаемый им маленький кубрик, намереваясь уединиться и, отвергнутым, предаться спокойному сну.

Пожелав Джонни приятной ночи, наполненной сладкими сновидениями, Бероева, сославшись на пресловутый «женский каприз», на какое-то время осталась в просторном зале. В одиночестве она скучала недолго, и, едва недовольный американец скрылся из виду, в комнату украдкой проследовал Рёшетов. Заранее предчувствуя, что молодой человек намеревается сообщить ей нечто (что не должно быть услышано кем бы то ни было, кроме, единственное, неё), Оксана предложила пройти в отдалённый угол, расположенный справа и находившийся вне зоны видимости, со стороны входного отверстия (ежели кому-то приспичит разгуливать в коридоре). Указав Сергею на самый последний стул, сама эффектная брюнетка уселась на предпоследнее сидение, повернувшись прекрасной грудью к округлой спинке и положивши на неё не менее красивые руки. Сейчас на осмотрительной сыщице, поверх чёрной водолазки, находилась оперативная кобура, ничуть не скрывавшая табельный пистолет, с которым она приняла решение больше не расставаться.

– Ты, Серёжа, хотел мне поведать что-нибудь дополнительное? – поинтересовалась проныцательная красавица, едва они разместились друг против друга. – Есть нечто такое, что я должна непременно узнать – ведь я же права?

Произносимые вопросы миловидная девушка задавала заговорщицким полупшепотом, вкрадчивым голосом, стараясь получше расположить к себе нежданного собеседника; она была сотрудница опытная, а соответственно, отлично себе представляла, что решиться на смелый, едва ли не отчаянный шаг стоило и большого труда, и титанического усилия. По прошествии пары минут, видимо собравшись с нужными мыслями, он осторожно заговорил:

– Я, пожалуй, перво-наперво признаюсь, что Сидорчук Виктор является мне двоюродным братом, а главное, что именно он устроил нас сюда подработать; также я вынужден просветить, что Иван, он же наш инженерный техник, являлся ему ближайшим товарищем. Когда начались страшные, чудовищные убийства, мы точно так же, как вы нам сейчас посоветовали, решили держаться вместе, отдельной маленькой группой. Однако, как ни старайся, постоянно быть втроем всё едино так и не получалось. Между Ваней и Витей существовал устойчивый договор, что если Картонкин не возвратится с котельной дольше обычного, то его чрезмерное отсутствие означает единственное – там случилось что-то крайне серьёзное и ему требуется срочная подмога, скорая помощь. В озаглавленном случае мой брат обязан бросать любые дела и немедленно направляться к нему.

– Хорошо, но почему он не доложил о случившемся кому-то из нас? – прервала Бероева откровенную речь. – Скажем, мне или американскому спецу-фэбээровцу?

– Однозначно ответить нельзя, – опасливо поглядывая на дверь, полупшепотом договаривал Рёшетов, – да и о Вашем личном прибытии мы узнали не раньше, чем Вы появились в общей столовой... если Вы успели заметить, на зимовочной станции всякая информация держится в строжайшем секрете. И потом, ко всем новым людям мы относимся с естественным недоверием; поверьте, поступать так есть и веские, и наглядные основания.

– Да?.. Правда? – расширив сомнительные глаза, изобразила московская сыщица крайнее удивление. – Тогда теперь о главном: с чем излишняя предосторожность связана?

Сергей замолчал, пару минут о чём-то мучительно поразмыслил, а затем, всё более интригуя, продолжил:

– На полярной экспедиции в мои непосредственные обязанности входит ручной ремонт и каждодневное обслуживание трактора-снегохода, помимо прочего являющегося ещё и маломестным автобусом. Если быть кратким, я являюсь обыкновённым механиком. Так вот, дней

эдак пять назад, – он сморщился, словно бы производя сложные умственные расчеты, – как и обычно, я выполнял профилактическую проверку нормального функционирования механизированных систем. Вдруг! Я почувствовал себя плохо – то ли давление скакнуло, то ли ещё чего-то похуже? – в общем, снежное покрытие передо мной словно бы заходило по бескрайнему кругу. Не в силах вернуться обратно, я передал о нечаянном ухудшении напрямик в центральную базу. Буквально через пятнадцать минут ко мне прибыл американский санитар Бредуэст. Однако к моменту его появления меня более или менее отпустило, и я продолжил заниматься порученным делом, прерванным из-за случайного казуса либо простого недомогания.

– Американский медик, соответственно, вернулся назад, – закончила Оксана за сдержанным рассказчиком само собой понятную мысль.

– Совершенно верно, – продолжал молодой человек развивать нелёгкое повествование дальше, – только до зимовочного комплекса он в тот день не добрался... О случившейся трагедии я узнал не сразу, а много позднее, когда, закончив основные работы, возвращался обратно. Следуя, как и всегда, не спеша – неожиданно! – на привычном пути я обнаруживаю мёртвого Гарри, изуродованное тело которого лежало между отопительным помещением и топливной емкостью – благо в тот роковой период северное сияние отчётливо озаряло ближайшую местность, виделось сравнительно далеко, и двигался я без использования стального пути. Словом, заприметив на незначительном отдалении, в ста метрах от котельного отсека, некое тёмное пятнышко, отлично выделявшееся на белом снегу, я осторожно отправился к нему посмотреть. Нетрудно догадаться, мне предстало изуродованное туловище убитого санитара. Но это ещё не всё...

– Неужели? – почему-то нисколько не удивилась Бероева. – Я так понимаю, ты обнаружил что-то, показавшееся тебе необычным, если не любопытным?

– Именно, – переходя на еле слышимый шёпот, дрожащим голосом констатировал Рёшетов, – ведь я и к мёртвому-то телу отправился только затем, чтобы проверить привидевшееся явление. Какое? Не удалившись порядком от обслуженной техники, я услышал странный, необычный для крайнего полюса, шум, напоминавший тарахтевшую работу двигателя внутреннего сгорания. Оглядываясь по окружающим сторонам, в тот злосчастный миг я неожиданно-негаданно разглядел, как от участка местности, где я позже обнаружил истерзанного покойника, отъезжает двухместный «мотоснегоход», перевозящий на себе всего лишь одного человека.

– Одетого... – подсказала дальновидная сыщица, прекрасно понимая, какой услышит ответ.

– В ту же военную форму, что и все другие американцы, находящиеся здесь, на полярной зимовке, – закончил Сергей недосказанную мысль и принялся рассказывать дальше: – Именно поэтому на обратном пути я и вглядывался в то самое злосчастное место. Затем был профессор Попов, а через день появился американский агент ФБР. Между прочим, последнее обстоятельство нисколько не успокоило, а наоборот, еще больше усилило нашу повышенную нервозность. Когда появились Вы, мы, не осведомлённые о поставленной перед Вами истой задаче, точно так же решили не рисковать и продолжали действовать по заранее продуманным планам, тем более что до настоящего времени у нас и неплохо получалось, и отменно срабатывало.

– И всё-таки привело к трагичным последствиям, – вставила Оксана максимально справедливое замечание. – Как следует понимать основную суть всего, что я сейчас выслушала, скорее всего, Картонкин тоже убит.

– Судя по всему, выдвинутое предположение более нежели верно, – безропотно согласился Рёшетов, печально опуская потухшие очи и внимательно что-то разглядывая на железном полу, – после ужина Ваня, как и обычно, пошёл с надлежащей проверкой в котельную. По обыкновению, если все складывалось нормально, привычная процедура занимала не долее двадцати, как максимум, тридцати минут. Сегодня он отсутствовал более сорока, и мой двою-

родный брат решил сходить и посмотреть, что же в действительности случилось. Кто же мог предположить, что их дружеская приверженность закончится таинственной драмой? Поэтому я чуточку поразмыслил и принял ответственное решение, что отмалчиваться больше нельзя и что непременно кому-то необходимо довериться.

– Честно скажу, и правильно сделал, – воодушевленно разгорячилась Бероева, понимая, что сумела заручиться хоть чьей-нибудь безусловной поддержкой (если говорить откровенно, до конца она ему все же не доверяла, в силу длительной практики закономерно предполагая, что верить не следует никому, пока не проверишь и не перепроверишь всё самолично); через секунду она успокоила его чрезмерную подозрительность: – Не переживай, вместе мы чего-нибудь да непременно придумаем.

– Очень хотелось бы верить, – чуть сильнее воскликнул Рёшетов, всем оживлённым видом как бы показывая, что вверяет себя в полное распоряжение сотрудницы МУРа, – ежели потребуется моя активная помощь, Вы только скажите, я же сделаю всё, – ему пришлось снизить восхищённую интонацию, – если окажется в моих скромных силёнках, конечно.

Искренняя готовность помочь явилась одинокой сыщице лишь на руку (она не доверяла никому, даже агенту Джонни). На минуту задумавшись, она поразмыслила, как бы ей в запутанном расследовании лучше использовать простосердечного человека. Неожиданно, словно бы что-то вспомнив, она вперилась настойчивым взглядом в прямодушного собеседника, открытого для полноценной вербовки, и удивленно воскликнула:

– Стой!.. Ты, кажется, сказал, что имеешь свободный допуск на вездеходный трактор?

– Совершенно верно, – согласился Сергей, утвердительно кивнув головой, – ежедневно, после окончания исследовательских работ, я провожу технический осмотр всех механических систем и делаю окончательное заключение, готов ли он к следующей поездке либо же нет. Надо понимать, если при холодной, крайне морозной, погоде с ним что-нибудь приключится, да ещё и на значительном удалении от зимовочной базы, то эвакуировать влиятельных пассажиров будет попросту не на чем, потому что то передвижное средство единственное. Как Вы понимаете, выпускаю я агрегат, основательно убедившись в его полной исправности.

– Понятно, – прервала Ксюша чрезмерно затянувшийся монолог, стора от жуткого нетерпения прояснить некую интересующую подробность, – но скажи: раз ты занимаешься техническими работами, значит, тебе доверяют и пусковые ключики?

– Какие такие ключи? – искренне удивился Сергей. – Выездной снегоход остаётся незапертым: нелепая, абсурдная мысль, чтобы его закрывать, инда и в самую сомнительную голову никому у нас не придёт. Стоит он себе и стоит – кому вообще понадобится? А хотя бы если и так! Всё равно без специальных навыков завести его не получится; а в ближайшей окрестности, я думаю, мало найдётся посторонних людей, обладающих технологическими познаниями и воровскими искусствами.

Болтливый механик добродушно заулыбался, тем самым давая понять, что сказанными словами имеет в виду, что такую безлюдность, какая существует на Серном полюсе, навряд ли отыщешь даже на Южном, где находится множество иностранных полярных станций. Мгновенно разгадав подразумеваемую особенность, Бероева не стала на ней заикливаться, а озадачила его другим, более чем насущным, вопросом:

– Ну, а стартер... как запускается двигатель?

– Просто и совсем незатейливо, – с некоторой гордостью ответил умудрённый специалист, – обычным нажатием парочки чёрных кнопок, помещённых на панель управления: с помощью одной направляется сжатый воздух, а другой запускается электрический стартер – вот разве на дизельном топливе предпринятые усилия будут напрасными, если вначале охлаждающую жидкость не разогреть до нужной температуры.

Глава VI. Находка

Озвученное обстоятельство привело московскую оперативницу в некоторое смятение и зародило в недоверчивом мозгу нехорошие подозрения. «Зачем он, – имея в виду О’Нила, – мне нагло соврал? Почему сказал, что пусковые ключи находятся у учёных, когда неохраняемый трактор вовсе не запирается? – размышляла она про себя, когда, закончив разговаривать с Рёшетовым, возвращалась в выделенный для отдыха маленький кубрик. – явно он ввёл меня в наивное заблуждение чисто умышленно – но, опять же, зачем? Надо держать с ним ухо остро! С другой стороны, в рассматриваемом случае с точностью можно сказать лишь одно: он ведёт здесь какую-то двойную игру, ничуть не направленную на целевое расследование, а скорее, наоборот, – окончательно утвердившись в навязчивой мысли, Бероева на всякий случай заперлась изнутри, а боевой пистолет положила на прикроватную тумбочку, готовая в любой момент воспользоваться им по прямому назначению; затем пожелала себе спокойной ночи: – Всё, пора спать, а завтра уже и посмотрим...»

Спала Оксана скверно: каждые полчаса она просыпалась от страшных предчувствий. Ей казалось, что непрочная дверца, ведущая в махонькую каморку, неожиданно открывается, а следом внутрь вбегают американский специальный агент, охваченный явным намерением ее предательски уничтожить, причём вместо лица у него (как не покажется странным?) страшная волчья морда, лязгающая огромными стальными зубами. Подобные кошмары (то ли беспокойные сновидения, то ли фантастические галлюцинации?) преследовали девушку все четыре часа, что она смогла себе предоставить на непродолжительное восстановление растроченных сил (положенных, кстати, ещё и на задержание Маркова Михаила).

Встала она, «словно вконец разрушенное корыто» совершенно не отдохнувшей. Однако, делать нечего, нужно было готовиться к продолжению трудного следствия; но вначале ей требовалось привести себя в надлежащий порядок. Умывальник с туалетом являлись общественными, но там ещё никого не присутствовало: Оксана умышленно встала на час раньше, чтобы закончить утренние процедуры до общего пробуждения. Не отягощённая посторонним наличием, на всё про всё она затратила не более двадцати минут. Закончив с бодрившим умыванием, кареглазая брюнетка оделась в ту же утеплённую одежду, что была на ней накануне, не позабыв про оперативную кобуру, снабжённую знаменитым пистолетом системы Макарова. В последующем, хорошенько экипировавшись, рассудительная девушка воспользовалась царившим затишьем и направилась в штатный радиоузел.

Всего радистов числилось двое, и работали они через сутки. На сегодняшнем дежурстве находился американец Билл Уоркен, молодой симпатичный парень, достигший возраста двадцати семи лет. Оценив его внешние признаки, опытная полицейская остановилась на основных: слишком маленький рост делал схожим с невзрачным карликом, хотя и отмеченным коренастой фигурой, а заодно и круглой физиономией, приятной и добродушной; чуть зауженный разрез каре-оливковых глаз придавал некоторое сходство с настоящим китайцем (в общей сложности подобное сравнение не было лишено фундаментальной истины, потому как его родная бабушка являлась подлинной китайкой); смуглый цвет кожи, а также иссиня-чёрные локоны, спускавшиеся на лоб и полностью скрывавшие уши, несколько не умаляли первого впечатления. Верхняя одежда, скрывавшая неказистое туловище, мало чем отличалась от остальных членов американской команды, кроме разве того небольшого нюанса, что его короткую шею обматывал шерстяной удлинённый шарф, заманчиво тёплый и выделявшийся коричневатой окраской.

– Мне в срочном порядке необходимо отправить радиogramму, – произнесла Бероева, едва переступая порог.

– Охотно Вам помогу, – с готовностью ответил Уоркен. – Какой будет текст?

Российская оперативница передала услужливому радисту бумажный клочочек, исписанный красивым женским почерком и минуту назад вырванный из блокнота, предназначенного для важных попутных записей. На нём значилось следующее:

Оперуполномоченная капитан Бероева О.В.

Москва. Кремль. Президенту.

Операция заходит в тупик. Миссия близится к нежелательному провалу.

На станции происходит массовое истребление гражданских людей. Прошу разрешения произвести всеобщую эвакуацию.

Жду дальнейших инструкций.

27.11.2017 года, 05 часов 30 минут.

Внимательно ознакомившись с представленным содержанием, Билл тут же, в непосредственном присутствии сотрудницы МУРа, на указанной сосредоточенной девушкой частоте, осуществил передачу представленного запроса. Как только появилось сигнальное подтверждение, что тревожное послание успешно отправлено, успокоенная сыщица покинула и без того невместительный корпус радиорубки. К тому времени по узким коридорам серверной зимовки начиналось людское движение.

Обмороженная часть руки немножечко ныла, и вторым утренним делом Оксана решила показать её доктору Джордану. Отправившись в медицинский отсек, она, вопреки столь раннему времени, застала Майкла в служебном помещении, как и обычно в свободное время, гревшимся горячим напитком. Едва оказавшись в приёмной, смущённая девушка объяснила истинную причину, вынудившую её к неожиданному посещению и не оговоренную заранее:

– Док, посмотрите, пожалуйста, поврежденную кисть: у меня присутствует неясное ощущение неприятного дискомфорта – может, чем другим полечить?

– Давай поглядим, – настоял медицинский специалист, оставив парившую кружку.

Внимательно проанализировав пораженный участок, он удовлетворенно отметил:

– Лечебный процесс протекает нормально: травмированная поверхность успешно начала заживать, поэтому и усилились болезненные покалывания. Можно, конечно, перевязать, но тогда, без доступа атмосферного воздуха, заживление будет протекать несколько медленней; да и определённые неудобства тоже возникнут, а они, насколько я понимаю, не входят в твои дальнейшие планы?

– Все правильно, Майкл, – подтвердила российская сыщица, убедившись, что никаких нежелательных осложнений с обмороженной рукой в настоящее время не происходит, – раз нет ничего страшного, тогда я пойду – встретимся в столовой за поданным завтраком.

Сегодняшним утром в пищевом блоке присутствовало одиннадцать человек, представлявших обслуживавший персонал, четверо ученых мужей и двое оперативных сотрудников, прибывших в мрачное зимовье и из различных стран, и с разных материков. Как и накануне, все сидели на укоренившихся местах; единственное, за одним столом, накрытом обслуге, присутствовало не шесть, а всего лишь пять человек, да и Бероева с О'Нилом теперь завтракали вдвоём, без вчерашнего отрешённого компаньона.

– Чем, Ксюша, займёшься сегодня? – поинтересовался американский агент, едва они уселись друг против друга.

– Тем же, Джонни, чем и вчера, – ответила Оксана, ослепительно улыбаясь и искусно маскируясь за видимым дружелюбием (после вчерашнего разговора с механиком Решетовым, она не доверяла двуличному фэбээровцу значительно больше), – будем пытаться разоблачить и поймать кровожадного, безжалостного убийцу.

– Каким путём будем идти? – не унимался настырный напарник, выказывая чёткое стремление разгадать насущные планы. – Есть какие-то значимые подвижки либо обоснованные соображения?

«Интересно, знает ли он о нашем вечернем разговоре с Сергеем?» – подумала кареглазая сыщица, удовлетворенно отметив, что тот находится в обеденном зале; вслух же, не переставая расплываться в бесподобной улыбке (будто бы она испытывает невероятное удовольствие от плодотворных общений с дотошным американцем), завораживавшим тоном томно промолвила:

– Странно, но я почему-то подумала, что сегодня именно ты предложишь что-нибудь эдакое, мал-помалу рациональное? Откровенно говоря, по какой, спрашивается, несправедливой причине все здешние проблемы вдруг решили свалить на хрупкие девичьи плечи – а вы, сильные мужики, тогда здесь на что? Я, конечно, не отказываюсь от возложенных служебных обязанностей, но и чья-нибудь посильная помощь явилась бы далеко не лишней.

Специальный агент воспринял едкое замечание, как обычную женскую эксцентричность, и не придавал ему какого-либо значимого внимания; с другой стороны, ему непременно хотелось выведать, как же та собирается проводить основное расследование. Пока он размышлял, как бы побыстрее разговорить московскую сыщицу, сама она с неприкрытой иронией продолжала:

– Вот вы все спокойно спите, а я с самого утра занимаюсь решением всех тех ужасных проблем, что «снежным комом» свалились на северную зимовку. Ты спросишь: что же я конкретного сделала? Что ж, я охотно отвечу: срочной радиogramмой запросила немедленную эвакуацию всех сотрудников, приписанных к тайным исследованиям.

– Неужели? – словно очнувшись от глубокого сна, поразился О’Нил. – И чего, интересно, тебе ответили?

– Пока ничего, – честно призналась Оксана, от которой не ускользнула лёгкая злобная тень, пробежавшая по улыбочивому лицу не слишком надёжного собеседника, – но, думаю, окончательное решение придёт в течении текущего дня, ближе к вечеру.

– То есть, Ксюша, получается, не так-то ты и уверена в наших профессиональных возможностях? – спросил озабоченный фэбээровец, глядя ей прямо в восхитительные глаза.

– Да, Джонни, я очень сильно в них сомневаюсь, – не удержалась Бероева, чтобы не соорудить прекрасные глазки и не одарить американского коллегу пронзительным взглядом.

На этой неутешительной ноте непродолжительный завтрак закончился. Научные сотрудники сразу засобирались, намереваясь, как и обычно, покинуть основной зимовочный комплекс и выдвинуться продолжать секретные изыскания. Докучливая оперативница еще раз предупредила их о собственной безопасности, предельной осторожности, не забыв осуществив очередную безрезультатную попытку напроситься в качестве вооружённой охраны. Они лишь, как от назойливой мухи, пренебрежительно отмахнулись. Между тем от зоркой оперативницы не ускользнуло то важное обстоятельство, что Григорович о чём-то шепчется в сторонке с О’Нилом. «Что они, стесняюсь спросить, затевают? Явно плутоватый американец осведомлен намного больше, чем хочет казаться. Хм?.. Что же всё-таки они замышляют?» – подумала Оксана, нисколько в закулисных интригах не сомневаясь.

Когда учёные покинули зимовочное строение, Бероева, сославшись, что ей необходимо обдумать неоднозначное положение, складывающееся на северной экспедиции, отправилась в крохотный кубрик и заперлась изнутри. Оказавшись одна, она посвятила освободившееся время тщательной чистке боевого оружия и методичной проверке его боевой готовности (на тот крайний случай, если вдруг придётся осуществлять его внезапное применение). Ровно через час она вышла в центральный коридор... И тут! Ей неожиданно показалось, что в отдалённом конце промелькнула неясная фигура американского спец-агента, одетого в тёплые вещи и словно бы приоткрывшегося выйти наружу.

Она мгновенно вернулась назад, схватила верхнюю куртку, добавила вязанную шапку (покрасоваться в песцовой у неё пока так и не получалось), меховые варежки и, быстро одевшись, бегом проследовала в разъединительный коридор. Московская сыщица заходила туда как раз в тот самый момент, когда пронырливый американец открывал наружную дверь.

– Джонни! – крикнула она ему, накидывая вместительный капюшон. – Подожди, я отправлюсь с тобой!

Тот так и не скрыл ту отвратительную гримасу, что на секунду перекосила озлобленное лицо; а еще от настырной девушки не ускользнула та чёрная волна недовольства, что неприятной тенью исказила обычно дружелюбные и, казалось бы, приятные очертания. «Понимаю, я разрушила твои хитроумные планы, но ничего, американский шпион, тебе придётся и дальше терпеть мое нескромное общество», – мысленно проговорила придирчивая оперативница. Оказавшись в непосредственной близости, она уже вслух и сравнительно громко спросила:

– Надеюсь, ты не будешь возражать против моего неотразимого общества?! – она ещё и нагло язвила.

– Разумеется, нет, – ответил О’Нил, мастерски справившись с видимой неприязнью, а где-то и затаённым волнением, – я буду только рад очаровательной, восхитительной спутнице.

Получив беспрекословное одобрение, в котором она нисколько не сомневалась, Оксана не замедлила завалить специального агента насущными, а в чём-то и каверзными вопросами:

– Джонни, а куда мы сейчас направимся? И почему ты вышел один? А чем мы будем там заниматься? И не проверить ли нам еще разочик котельную?

– Тише, тише, всё, что ты говоришь, – оно непременно будет, но разве не сразу, – энергично запротестовал смутившийся фэбээровец, выпуская российскую коллегу наружу, – давай сначала взглянем на странную веревку, что ты вчера обнаружила.

– Вона, что, оказывается, погнало тебя на неприятный северный холод?! – воскликнула лукавая девушка, наигранно делаясь недовольной, как бы обиженной. – Ты, что ли, выходит, мне вовсе не доверяешь?!

Про себя же следом подумала: «Или, может, за полную дуру считаешь?»

– Нет, нет! – стараясь быть искренним, заверил изболоченный американец. – Конечно же, я тебе полностью верю! Просто – как говорят у вас же, у русских – хотелось бы улицизреть обозначенный факт воочию, лично!

Последнюю фразу ему пришлось произносить на повышенных интонациях, так как оба они очутились на завывавшем приполярном пространстве [хотя пурга и немного утихла, но вокруг продолжало изрядно выюжить, создавая порывистый ветер, доходящий до десяти метров в секунду, и не переставая сохранять непроглядную заснеженную завесу (единственное отличие – плотная, беспросветная пелена стала чуточку реже и, подсвечивая себе электрическим фонариком, можно было различать предметы, отстоящие на расстоянии, доходящим метров до трёх-четырёх)]. Иностранцы напарники решили не рисковать и сразу же пристегнулись к тросовой дороге. Спустившись по металлическим ступенькам до ровного низу (уличная входная дверь располагалась на расстоянии полуметра от ледяного покрытия и постоянно очищалась двумя сотрудниками вспомогательной службы), они начали неторопливое продвижение. Как уже говорилось, недалеко от здания находился распределительный клин – и вот именно к нему накануне и была привязана подозрительная веревка. О’Нил принялся активно откидывать навалившийся снег, интенсивно разгребая обеими натренированными ладонями.

– Ничего нет! – громко выкрикнул он, углубившись почти на полметра и скобля меховыми рукавицами по верхней части ледовой толщи.

– Не может быть?! – недоверчиво воскликнула Оксана Бероева, наклонившись ниже и присоединившись к кипучим поискам.

Не найдя ничего ни возле стального штыря, ни в ближайшей округе, они расчистили накопившийся снег в диаметре метров до трех, словно прочная веревка смогла бы ненавязчиво отвязаться. Наконец, через пять минут бесполезных поисков, Джонни набрался сверхъестественной наглости и шутиливо спросил:

– Ксюша, а тебе случайно не могло, скажем так, показаться?!

– Что?! – обиженно воскликнула задетая девушка. – Я, может, и кажусь наивной дурёхой – но не настолько же?! – оскалившись, усмехнулась, а далее, уже более чем убедительно заявила: – Нет, ошибиться я не могла: витая веревка, точно, была! Просто кто-то подумал, что она, по всей видимости, будет здесь лишней, а дальше пускай и очень несвоевременно, с большим запозданием, но всё же хитрющий проказник её удалил! Возможно, она кому-то ещё понадобится?! – изображая наигранное недоумение, она пожала плечами. – Кста-а-ти! – вдруг загадочно воскликнула Ксюша. – Ты сам-то случаем никому про неё не рассказывал, ведь, насколько я помню, про обнаруженную бечёвку знали только ты, я и доктор?!

– Нет! – стараясь не особо замешкаться, поторопился заверить российскую напарницу американский агент. – Чем хочешь поклянусь – я никому ничего не рассказывал!

– Да, действительно?! Тогда ладно! – придала Бероева себе простоватый, наивный вид (что яснее-ясного говорило – она не верит ни единому, сказанному ей, слову, произнесённому специальным сотрудником США, которого про себя российская сыщица убежденно именовала «американским шпиёном»).

Расставив все точки над литерой «И», с поисками «мистической верёвки» порешили заканчивать, а далее направились в сторону отопительного отсека, как и накануне, следуя исключительно по металлическому пути. Вторичный поход, ставший привычным, прошёл без неприятных задержек. Когда через полчаса они достигли выбранной цели, вполне ожидаемо обнаружили, что единственный вход, позволявший попасть в котельное помещение, наполовину завален накопившимся снегом, плотно прибитым нескончаемым ветром. Пришлось воспользоваться широкой лопатой, верхним кончиком торчавшей чуть в стороне, чтобы с её помощью очистить заснеженную преграду. На усердные работы ушло чуть более получаса. Расчищали попеременно: совестливая девушка ни в коем случае не хотела отлынивать от трудовых нагрузок (между прочим, заканчивалось именно ей). Вдруг! В полной мере освободив входное отверстие, она резко воткнула использованную лопату в густую снежную массу, но попала не в то же самое место, где она была изначально, а немного левее... не достигнув прочного льда, незаменимое орудие человеческого труда на что-то наткнулось. У Оксаны бешено застучало сердце. Словно хищный зверь, почуявший скорую добычу, она принялась энергично раскидывать наваленный снег и раскапывать тот неизвестный предмет, пока еще непонятный, но чрезвычайно уже интересный.

– Что там?! – громко и стараясь перекричать ревущую непогоду, поинтересовался О'Нил. – Что-то нашла?!

– Точно покуда ничего не скажу! – на тех же тонах отвечала энергичная девушка, продолжавшая усиленно работать штатной лопатой. – Сейчас поглядим!

Внезапно! На очередном неутомимом взмахе она различила, как вместе с плотным белоснежным осадком в сторону полетело что-то достаточно тёмное. Определив примерный участок, куда плюхнулась ископаемая вещица, трудолюбивая сыщица направилась прямо к ней и осветила электрическим фонарём... после долгих изысканий возбужденному взору предстала окоченевшая человеческая рука, содержащая и кисть, и плечо, и предплечье. Подняв значительную находку, Бероева прокричала американцу:

– Открывай!

Тот незамедлительно исполнил несложное указание и вынужденные напарники, спокойно миновав очередной предбанник, оказались внутри отопительного отсека. В тесных помещениях котельно-генераторного цеха осталось без видимых изменений: малая площадь, по

всему периметру, утопала в багровой жидкости и отмечалась мельчайшими человеческими останками; механические агрегаты исправно работали.

Осмотрев чудовищную находку, российская оперативница привела профессиональную констатацию:

– Вне всяких сомнений, обнаружена верхняя конечность инженерного техника Вани.

– Почему такая уверенность? – поинтересовался Джонни, недоверчиво сморщившись и выказывая непреднамеренную предвзятость.

– Если ты успел заметить, он был одет в специальную одежду, отмечающую ведомственную принадлежность к «Газпрому», а оставшийся рукав – он аккурат от отличительной куртки. Заберём отсоединённую конечность с собой, – убеждённо заявила бесповоротная девушка, заворачивая её в обычную тряпку, – пусть Док осмотрит, а заодно и хорошенько изучит.

– Как знаешь, – не стал возражать раздражённый американец, недоверчиво пожимая плечами, – не понимаю, что он тебе дополнительно скажет кроме того, что и так очевидно – найденная конечность не отрублена, а откушена... Может, двинем уже обратно? Здесь даже простому смертному видно, что ничего не изменилось, а осталось по-старому.

– Давай, – согласилась Бероева и тут, словно внезапным выстрелом, непререкаемо подытожила: – доделаем то основное дело, за каким ты отправился – и сразу назад!

– Но я пошёл взглянуть на обнаруженную веревку, – О’Нил старался быть убедительным, но всё-таки легонечко вздрогнул, – но мы там уже закончили и – как ты сама могла убедиться – выяснили, что она безраздельно отсутствует.

– Да?.. И только лишь? – выразила молодая москвичка неподдельное удивление, будто бы хотела убедить плутоватого напарника, что является искренней дурочкой.

Джонни же воспринял ее словесную игру совсем по-другому: он почему-то предположил, что, попав под восприимчивое действие его безотказных флюидов, красивая девушка попросту взяла да на него и разом запала; сейчас же, не найдя ничего лучше, она изыскивает любые пути, способные помочь ей добиться его личного расположения, благосклонного снисхождения, но и не задеть непогрешимой дэвичьей чести. Сладострастное положение его всецело устраивало, и специальный агент не воспринимал в дальнейшем Ксюшу, как некое препятствие, внезапно вставшее на сомнительном, нечестном пути и мешавшее достижению каких-то личных тайнственных целей (к слову сказать, именно такого эффекта и добивалась заправская сыщица). «Я не знаю, что ты здесь ищешь, но скоро ты обязательно мне это покажешь, даже если – черт возьми! – придётся с тобой переспать... хотя до позорного финала, уверена, не дойдет», – подумала Оксана, от которой не ускользнула та кардинальная трансформация, какая у её нового американского «друга» произошла по отношению к ней.

Глава VII. Шестой

Закончив беглый осмотр котельно-генераторного отсека, раздосадованные (каждый по-своему) оперативники отправились обратной дорогой, двигаясь к главному входу. Путь представлялся знакомым, и они преодолели его гораздо быстрее, чем прошли накануне. Бероевой всё время приходилось держать взведённый пистолет наготове: она ещё не нашла окончательную разгадку происходившим событиям, а значит, требовалось оставаться во всеоружии, чтобы в любое мгновение по-быстрому сбросить тёплую варежку, извлечь наружу безотказный ПМ и начать вести прицельный огонь. Однако переживания оказались беспочвенными, и до входа, ведущего в основную часть комплекса, коллеги по правоохранительной деятельности добрались без существенных происшествий (если не принимать во внимание обжигающего холода и сплошного, беспросветного снега).

Когда неустанные путешественники оказались внутри, той же минутой направились во врачебный кабинет доктора Джордана. Практичная девушка не преминула передать ему для детального анализа замороженную конечность, недавно ими найденную и, как известно, изрядно потрёпанную; её она положила напрямую на хирургический стол.

– Осмотрите Док, пожалуйста, найденную руку, – обратилась она с просьбой, больше похожей на приказание, – и дайте нам профессиональное заключение.

Разрезав одёжный рукав, скрывавший представленные останки, Майкл добросовестно принялся их исследовать. Через пять минут тщательного осмотра он заключил:

– Могу с полной уверенностью сказать, что это левая мужская. Она отделена от основного тела аналогичным способом, какие мы наблюдали на ранее обнаруженных трупах, то есть резким сжатием с двух сторон острым и прочным предметом, похожим на железные зубы.

– Вы хотите сказать, – прервала его дотошная россиянка, не отходя наблюдавшая за его нехитрыми действиями, – что она просто-напросто перекушена?

– Именно, – настаивал медицинский сотрудник, покручивая «мёртвую» руку перед задумчивыми глазами внимательных слушателей, – одним мощным сжатием челюстей, как, знаете, собака перекусывает куриные крылышко или лапку.

– Тем самым, – не унималась любознательная красавица, хлопая длинными густыми ресницами, – имеется в виду нечто схожее с огромным хищником – правильно ли я сейчас понимаю?

– Трудно сказать, – Джордан пожал плечами, – но, похоже, что так.

– Ну вот, я же говорил, что мы столкнулись не с Гомо Сапиенс, – сумничал специальный агент, не сумевший удержать при себе личное мнение, – а здесь водится какая-то неизвестная живность, ранее невиданная, но ужасно полюбившая человечину.

– Допустим, – сильнее заморгала прекрасная сыщица, – но у меня назревает вопрос: является ли представленная конечность телесной частью одного из четырёх трупов, что находятся в зимовочном морозильнике?

– Судя по натальной одежде и имеющемуся строению – однозначное нет, – сделал авторитетное заключение вдумчивый врач, – оставшийся рукав является частью специальной куртки, какую носил пропавший Картонкин, все же остальные убитые одевались в другие вещи.

– Таким образом, – предположила Оксана, останавливая кокетливую игру, – мы приходим к очевидному выводу, что обнаруженная рука являет прямую принадлежность к пропавшему электрику-технику – правильно ли я понимаю?

– Определённо, – согласился американский доктор, положив начинавшую оттаивать человеческую конечность на хирургическую поверхность.

– Значит, можно с полной уверенностью сказать, – продолжала допытываться любопытная девушка, – что Ивана в живых мы более не увидим?

– Без сомнения, – констатировал медицинский специалист, – даже имея всего единственное ранение, у него навряд ли бы получилось остановить артериальное кровотечение; да и время, проведенное на стылом морозе – а он отсутствует уже практически целые сутки – не сказалось бы благоприятно на повышенную жизнеспособность.

– Слышишь, Джонни, – обратилась Бероева к молчаливому спец-агенту, не забыв простроить недовольную мину, – Картонкина смело можно исключить из списка живых, а заодно и подозреваемых. Мы опять вернулись в самое начало следственного пути и ни на шаг не сдвинулись с места.

– Что же нам делать? – поинтересовался американский агент, скрещивая на груди обе руки.

– Искать, пытаясь происходящим злодеяниям найти подлинную разгадку, а по возможности шевелить и собственными мозгами, – твердо заявила решительная брюнетка, а взглянув на оттаявшую конечность, обратилась к Джордану распорядительным тоном, не терпевшим никаких возражений: – Уберите её в остужающий отсек, Док, а то она уже начинает изрядно пахнуть. Что касается нас? Мы оставляем Вас вместе со всеми холодными трупами, а сами отправляемся расследовать дальше.

Едва договорив, она направилась к выходу и увлекла за собой податливого О'Нила. Как только они оказались в пустом коридоре, штатовский коллега снова попробовал наладить отношения более близкие, нежели просто рабочие.

– Ксюша, – произнёс он вкрадчивым голосом, – скажи, а у тебя постоянный поклонник есть... там, на Большой земле? То несомненное мнение, что ты пока не замужем, – его я могу высказать с полной уверенностью, ведь у тебя, я заметил, нет на безымянном пальце кольца, ни обручального, ни какого-либо другого.

– Интересно, Джонни, – усмехнулась чернявая девушка, нечто подобное ожидавшая и неоднократно замечавшая, как впечатлённый американец периодически «пожирает» ее похотливым, масляным взором, – а у вас, в Америке, все такие прямые? Вы что, разве за незнакомыми женщинами совсем не ухаживаете, а сразу тащите их в блудливое ложе?

– В принципе, да, а что здесь особо странного? – без тени смущения, произнёс бессовестный ухажёр, оказавшийся не только упрямым, но ещё и настойчивым. – Если встречаются две разнополюсные личности, имеющие схожие интересы, равные по социальному статусу и не лишённые внешней привлекательности – почему бы им не узнать друг друга поближе? В конце концов, а вдруг из скорых отношений получится нечто продолжительное и более интересное?

– Например? – удивилась молодая красавица беспардонной наглости новоиспеченного воздыхателя.

– Создание крепкой семьи, – с несокрушимым видом отвечал самоуверенный фэбээровец. – Что же тут необычного?! В Америке многие люди, излишне занятые на службе, заключают быстрые браки.

– Но не в России! – оборвала очаровательная прелестница превратную речь, для приличия гневно стрельнув прекрасными глазками. – У нас сначала пламенным сердцем необходимо прочувствовать, что другой человек тебе близок; только потом мы переходим к романтическим отношениям – чего уж говорить про интимные связи? К чему это я? Ах, да! Для распутного занятия откровенной проституцией существуют определенные слои населения, отличающиеся явно заниженным чувством социальной ответственности. Я понимаю, на полярной станции с ними существенная проблема, но, поверь, лично у меня не возникает никакого желания вдруг взять да и сделаться им подобной.

– Очень жаль, что ты поняла моё искреннее предложение настолько превратно, – впервые за весь период беседы непроизвольно смутился О'Нил. – Ты действительно мне очень понравилась; я просто безвольно теряюсь, когда оказываюсь рядом с тобой.

Сказанные слова не лишались относительной истины: расценивая Бероеву, как плотский предмет, состоящий из низменных вожделений (а ещё и наивно уверившись, что она и сама от него без ума), он неожиданно настолько запал на привлекательную красавицу, что непременно хотел добиться обхождения более нежного, чем вынужденное, простое сотрудничество. Однако, как уже сказано, та быстро осадилась слишком рьяного ухажёра и «с бескрайних небес возвратила на грешную землю». «Да-а?.. Не так-то уж ты и наивна», – рассуждал специальный агент, когда они расходились по занимаемым комнаткам, чтобы перед приближавшимся обедом немножечко отдохнуть, а заодно и собраться с насущными мыслями.

Весь остаток дня прошёл в глубокомысленных размышлениях и детальной разработке оперативной стратегии (на тот случай, если придёт отрицательный ответ, не допускающий проведение общей эвакуации). Постепенно Оксана уверилась, что в любом случае она непременно должна побывать в таинственном месте, где несговорчивые учёные проводят загадочные исследования; в сложившемся мнении гораздо сильнее укрепил очередной, произошедший на станции, трагический случай... В половине седьмого вечера явилась научная часть личного состава полярной зимовки; но прибыли они (как не покажется странным?) только втроём. Бероева как раз бесцельно слонялась по узеньким коридорам, пытаясь мысленно разрешить запутанную задачку, когда с улицы ввалились всего-навсего трое исследователей, крайне озабоченных и явно чем-то напуганных.

– Эй, а где ваш четвертый? – попыталась разузнать российская сыщица. – На ненастной улице, что ли, замёрз?

Удручённые естествоиспытатели предпочли тупое молчание, отводя пристыженные глаза и не желая встречаться с пронизательным взглядом непревзойденной сотрудницы.

– Итак, я что-то не поняла? – спросила Бероева, придавая распрекрасному личику гневное выражение. – Это что за идиотские игры «в молчанку»? Я так понимаю, у нас ещё один пропавший генетик – не так ли? Я вижу, кровожадному «зверюге» сильно понравилась российская «человечинка», которую он стал предпочитать гораздо больше американской, хм? – она не смогла удержаться от недовольной ухмылки.

Опытная оперативница безошибочно выяснила, что в фактическом наличии находятся все, кроме одного, доцента Владимира Григоровича. «Сначала Попов, затем он, а ещё и трое из гражданской obsługi... Если так пойдёт и дальше, я скоро останусь с единственным Джонни», – словно жаркая молния, пронеслась неприятная, тоскливая мысль, а следом непроизвольно сжалось похолодевшее сердце. Вслух, оставляя эмоции непостижными, лицо же непроницаемым, Оксана заметила:

– Значит, так... сейчас идите быстренько раздеваться, а потом незамедлительный общенаучный сбор, планируемый в зале для совещаний, – респект?

– Да, – нехотя, но дружно подтвердили учёные полную готовность исполнить категоричное указание, поступившее от московской оперативницы.

Деловая брюнетка крикнула Джонни, и они вдвоем отправились дожидаться, когда соберутся основные участники немногочисленного собрания. Через пятнадцать минут явился весь научный состав. Едва они расселись, председательствующая (коей сама себя утвердила Бероева) с интересом спросила:

– Ну-с, уважаемая профессура, и в какой же, стесняюсь спросить, глубокой заднице остался наш уважаемый доцент Григорович? Он что, не выдержал вашей совместной давки и, обиженный, «спёкся»? Или же случилось нечто иное? Тогда меня очень заинтересует, что именно? Хочу вас сразу заверить, что тут нет никакой государственной тайны, а значит, вы обязаны отвечать – чисто! – сердечно, – и снова она язвительно ёрничала, – и одну только голую правду. Предупреждаю: я наделена особыми полномочиями и могу арестовать любого, даже самого главного, а следом посадить его в невольничью «казематку» – это понятно?

В знак согласия все молча покивали понурыми головами. Выждав небольшую паузу и убедившись, что все ее прекрасно поняли, Оксана продолжила:

– Начнём с Вас, мистер Рамирес. Итак, что Вы конкретно можете пояснить по факту исчезновения Вашего прямого коллеги?

– Всё было вроде, как и обычно, – начал американский генетик, вздохнув тяжело, словно в последний раз в жизни, – мы работали, выполняя возложенные обязанности... Отвлекаясь, сразу же поясню, что мы не всегда находимся вместе, а периодически возникает насущная потребность кому-нибудь отдалиться. В точности так же случилось сейчас: за час до окончания сегодняшней смены Владимиру понадобилось отойти по собственной надобности. Он ушёл и больше не возвращался.

– То есть? – удивилась сотрудница уголовного розыска. – И вы не стали его искать? Вам ведь, наверное, приходится отходить в одно и то же общее место – или каждый предпочитает своё?

– Конечно же, мы его поискали, – настаивал Джеймс, придав стыдливой гримасе ещё и недовольный оттенок, – мы обыскали всё, что смогли осмотреть, но его зримое присутствие обнаружено так и не было. Как, вероятно, известно, порученные научные труды мы спускаемся осуществлять в ледяную толщу самой северной точки планеты. Неудивительно, что в мерзопакостную погоду основной вход, ведущий в исследовательский туннель периодически заметает толстым покровом густого полярного снега. Чтобы нас не запорошило, Григорович отправился его расчищать. Нетрудно догадаться, указанные предосторожности необходимы, чтобы у нас всегда оставался свободный проход, а заодно уменьшалось количество снежного навала, которое необходимо будет откидывать завтра, – работа работой, но и от подготовительных мероприятий, в силу высокой серьёзности основного дела, отлынивать мы не можем.

– Значит, вы и завтра собираетесь в ту гиблую местность отправиться? – изумилась Оксана, недоверчиво сощурившись и одарив научного сотрудника пронзительным взглядом; она немного подумала, а затем обратилась к безынициативному американскому представителю: – А ты, Джонни, чего молчишь? Хоть ты объясни любезным сеньорам, что на них открыта настоящая «северная охота» и что кто-то из них обязательно будет следующим.

– У меня нет достаточных полномочий, – серьёзно промолвил О’Нил, не изменившись в бесстрастном лице, – я не могу лезть в научные исследования, и, думаю, у тебя, Ксюша, поручения полностью идентичные.

– Не знаю, как там, у вас, в Америке, но у меня существует только одна, единственная, инструкция, – самозабвенно воскликнула российская сыщица, – это закон «О полиции», где чётко и ясно прописано, что я – как бы кому не хотелось? – непосредственным долгом обязана защищать жизнь и здоровье граждан, а все остальные инсинуации оставлять на потом. К чему я веду? В последующем категорически запрещается неохраняемое проведение научных исследований, уже не просто опасных, а становящихся ещё и убийственными! Если что-то кому-то не нравится, – намекала она на чрезвычайно скрытных ученых, – то пусть берут меня вместе с собой, чтобы я лично смогла обеспечивать надёжную выездную охрану. И вообще, я жду из координационного центра скорого подтверждения, дающего специальное разрешение на срочное проведение всеобщей эвакуации. Исходя из изложенного, возьмусь заметить – пришла пора поспешно сворачиваться. Почему? Как только позволят погодные условия, за нами незамедлительно направят транспортный самолет. Надеюсь, я ясно толкую? – сказала она резко, а не получив утвердительного ответа, продолжила не менее твёрдо: – Тогда вернёмся к загадочному исчезновению доцента-генетика, где мы остановились, когда он пошёл расчищать заваленный вход. Что, спрашивается, было дальше? Продолжайте, мистер Рамирес.

– Выходя из ледовой толщи, – воспользовался главный профессор предложенной возможностью и продолжил прерванное повествование, – мы обнаружили, что наш российский коллега отсутствует.

– Но что-нибудь, скорее всего, осталось: вероятные следы борьбы, может быть, свежая кровь? Был ли расчищен снег? – по сложившейся привычке неутомная оперативница засыпала Джеймса каверзными вопросами.

– Нет, не виделось ничего постороннего, – отвечал научный сотрудник, – если и были какие следы, то их, вероятно, запылило обильным снегом, которого было навалено столько, что мы еле-еле отгребли пригодную дорогу на выход.

– Так, а с утра? – прервала его Оксана, сверлящим взглядом стараясь заглянуть в непостижимую, скрытую душу.

– Что?.. – не понял ученый генетик, изображая крайнее удивление.

– Вход был также завален? Или же меньше?.. А может, больше?

– Картина являлась аналогичной, – проговорил осторожный исследователь, чуть ступив, что тоже не ускользнуло от остроглазой оперативницы.

Сверх прочего, не осталось незамеченным и некое безотчётное ошеломление, что неприятной волной пробежало по мрачному лицу профессора геологии. «Американский хлыщ что-то явно недоговаривает? Надо обязательно, причём непременно отдельно ото всех остальных участников, попытаться последнего, оставшегося в живых, россиянина», – размышляла Бероева, мысленно анализируя увиденную неоднозначную мимику.

– Что ж, тогда всё понятно, что снова ничего не понятно, – сотрудница МУРа решила заканчивать, – все могут идти отдыхать.

Она даже не стала удерживать Джонни, чтобы спросить его профессионального мнения (во время последнего монолога бдительная сыщица чётко определила занимаемую им основную позицию); для себя же она твёрдо решила, что ей позарез необходимо пообщаться с российским геологом, и обязательно без лишних свидетелей.

Глава VIII. Орудие преступления

«Как здорово получается, что они разместились по разным кубрикам; значит, можно будет пообщаться без ненужных ушей», – раздумывала Оксана, направляясь в профессорскую каморку. Она располагалась между двумя отдельными помещениями, где раньше проживали убитый Попов и исчезнувший Григорович. Достигнув входных дверей, она замерла, уловив лёгкое движение в конце недлинного коридора. «За мной уже начинают следить», – сделала она небезосновательный вывод, просившийся сам собой. Покрутив черноволосой головой из стороны в сторону и никого, соответственно, не увидев, бойкая оперативница бесцеремонно толкнула непрочную преграду, отделявшую от учёного. Однако не все выглядело так просто, как ей бы того хотелось, – она надёжно была заперта изнутри.

– Кто там? – раздался голос Веремчука, слегка дрожавший, видимо, от нешуточного волнения.

– Капитан Бероева, – браво отчеканила Ксюша, – Константин Георгиевич откройте, пожалуйста, мне нужно с Вами поговорить.

Два раза щёлкнул личинный замок, и деловая брюнетка уверенным шагом проследовала вовнутрь крохотного, но уютного помещения. Хозяин скромной комнатёнки сел на застеленной кровати, а незваной гостье указал на металлический стул, обтянутый чёрной материей и проложенный губчатым поролоном. Они оказались прямо напротив. Едва усевшись, неугомонная оперуполномоченная перешла к интересовавшему делу:

– Я так понимаю, к рассказу американского коллеги у Вас имеются какие-то особые уточнения – наверное, он рассказал не всё?

– Вы знаете, милая девушка, – не скрывая тревожных эмоций, вполголоса промолвил смущённый профессор, – много странного творится на северной станции.

– Неужели?! – скривив левый край ироничных губ, заметила ехидная сыщица. – И что же?.. Давайте конкретней.

– Куда уж яснее, – не в силах сдерживать лихорадочную дрожь, высказался робкий геолог, – после того как обнаружился второй умерщвлённый труп, я стал замечать, что российские коллеги как-то от меня отдаляются, зато, напротив, сильно сближаются с учёными заокеанского представительства. Сначала необычное явление меня вроде бы беспокоило мало, но сейчас – когда сначала убит Попов, затем пропал Григорович, а потом Рамирес зачем-то сказал неправду? – я начал подозревать, что мы втянуты в какую-то худую интригу, жуткую и нелепую, которой сопутствуют сплошные опасности и чудовищные убийства.

– Возможно, – подтвердила Бероева, глядя глаза в глаза и намереваясь уточнить, зачем именно сюда прибыла, – вот Вы сейчас озвучили «сказал неправду» – что сие означает?

– Неоткровенный рассказ Джеймса заключается в некоем сомнительном обстоятельстве, – отметил Веремчук, покрываясь холодным потом, – с утра основной проход, позволявший попасть в подлёдную нишу, где мы все вместе работаем, почти целиком запорошило свежесвыпавшим снегом – это неоспоримый факт. Нам, и действительно, пришлось как следует потрудиться, прежде чем до конца его откидать. Впоследствии бушевавшая пурга чуть-чуть поутихла и можно было не беспокоиться, что выходное отверстие сильно завалит, – в этом отношении мы работали совершенно спокойно. Ровно за час до окончания трудовых изысканий, к моему великому удивлению, Григорович вызвался идти освобождать некритически занесённый проход – зачем, непонятно?

– То есть? – не сразу сообразила сотрудница уголовного розыска.

– В противовес неправдивым словам Рамиреса, снега «понаносило» немного, – капли на побледневшем лице учёного становились гораздо крупнее, – и чтобы его убрать потребовалось бы не более полчаса. Как я уже говорил, Григорович его не трогал, а направился напрямую в

бескрайнюю неизвестность. Через несколько метров его пешие следы обрывались, зато появлялись гусеничные отпечатки, оставленные небольшим снегоходом, скорее всего двухместным. И что странно?! Мои американские коллеги не придали странному факту никакого значения, как будто им отлично известно, что там, до нашего появления, приключилось.

– Интересно, – оборвала Бероева натужную речь (бледное лицо измученного рассказчика вовсю обтекало холодным потом); заметив необычную особенность и проявляя нормальное участие, сердобольная девушка простодушно спросила: – Константин Георгиевич, Вы как себя чувствуете? Вам плохо?.. Может, сходить за доктором?

Тот ничего не ответил, а сильно закашлялся, безвольно хватая недостающий воздух и цепляясь руками за горло, – становилось очевидно, что он безвременно умирает. «Только бы не сейчас!» – в сердцах подумала Оксана, нежными руками подхватывая учёного, в предсмертных конвульсиях заваливавшегося на половое покрытие. «Он ведь готов был всё рассказать», – мысленно причитала сокрушённая сыщица.

Начиная хрипеть, Веремчук изобразил характерный жест, приглашавший сблизиться лицами. Сквозь душившую хрипоту, он изловчился произнести единое изречение, хотя и странное, но всё же понятное: «Та... ре... лка» – и тут же скончался. Ошеломлённая сотрудница закрыла очередному покойнику потухшие очи и пошла из профессорской комнаты прочь, чтобы разыскать доктора Джордана и позвать его на констатацию скоропостижной кончины. Какого же случилось её нелепое удивление, когда, едва оказавшись в общественном коридоре, она внезапно столкнулась с Майклом, который и сам активно её искал и который находился в состоянии крайнего возбуждения. Но не он один так страстно желал обнаружить российскую девушку – вместе с ним по зимовочной базе рыскал Уоркен, державший ответную радиogramму. Увидев Бероеву, оба радостно вскрикнули:

– Ксюша, нам срочно нужно поговорить!

– Лично с Вами, Док, мне тоже, – энергично ответила деятельная оперативница.

Прекрасно понимая, что возникшее дело не для «лишних ушей», вначале предложили высказаться добросовестному радисту. Пользуясь предоставленным шансом и передавая маленький клочок бумаги, он проговорил коротко, но и отчётливо:

– Пришёл ответ из России.

Поблагодарив его за аккуратную исполнительность, заправская сыщица быстро пробежала взволнованным взглядом присланный текст:

Москва. Центр

Капитану Бероевой О.В., оперуполномоченной

Проведение эвакуации считать мерой, пока преждевременной.

Действовать в строгом соответствии с инструкциями, полученными при вылете.

27.11.2017 года, 19 часов 20 минут.

Отпустив исполнительного радиста, Оксана пригласила Джордана в жилую комнату, где находился мёртвый геолог; она прекрасно понимала, что он хочет ей сказать что-то невероятно значимое, но всё же посчитала, что сначала необходимо осмотреть очередного покойника (пока ещё свежий), чтобы попытаться установить и причину и следствие, повлекшие его трагичную гибель.

– Посмотрите, Док, – придав себе серьёзное выражение, потребовала сотрудница уголовного розыска, едва они оказались внутри, – Как Вы думаете, от чего он скончался?

Хотя возбуждённый врач и сгорал от явного нетерпения, собираясь немедленно выложить некую страшную тайну; но исполнение прямых врачебных обязанностей взяло верх надо всем остальным, и он незамедлительно приступил к внимательному осмотру безвольного тела. Вначале он подробно изучил кожный покров лица, имевший неестественный, несколько корич-

неватый, оттенок, затем нажал пальцами (указательным и большим) на обе челюсти и попытался разжать у мёртвого трупа сведённые челюсти. Предпринимаемые попытки он сопровождал словесными комментариями:

– Кожа влажная, следовательно, перед недавней смертью скончавшийся профессор сильно потел, что даёт неоспоримое основание полагать – произошли серьезные сбои в сердечной деятельности. В то же время ротовая полость заполнена желтоватой пеной, и присутствует характерный запах горького миндаля; могу предположить, мы имеем дело с цианистым калием, – опытный врач сделал короткое отступление и рассказал о типичных симптомах взаимодействия, – он убивает благодаря тому, что, при попадании в кровеносную систему, на клеточном уровне связывается с железом, лишая её способности переносить и транспортировать дополнительный кислород... смерть наступает в течении нескольких минут.

– Так и было, – согласилась Бероева, беря с тумбочки ровный стакан, наполовину заполненный прозрачной жидкостью и стоящий рядом с полулитровой пластиковой бутылкой (она содержала негазированную минеральную воду), – мы проговорили с ним не дольше семи минут, и с каждой секундой ему становилось всё хуже и хуже.

– Стой! – вдруг вскрикнул Джордан, перехватывая у неосмотрительной девушки стеклянный сосуд, заполненный оставшейся минералкой.

Не поднося его близко и держа на сравнительном удалении, он поводил им, располагая под осторожно вдыхающим носом; потом Майкл взял пластиковую бутылку и проделал с ней единообразную операцию. Он сделал неоспоримое заключение:

– Очевидно, покойный глотнул из представленного стакана, что и явилось для него заведомо роковым. Кстати, я очень удивлен, что после принятого яда он ещё какое-то время жил, и даже сумел говорить, – наверное, максимальная концентрация отравлявших веществ была небольшой, либо же мы сталкиваемся не с чистым цианидом, а с какой-нибудь менее убийственной производной.

– Жалко, конечно, безобидного научного деятеля; но хоть здесь-то всё более чем понятно и обошлось без мистического «зверюги», – заметила российская сыщица, не скрывая объяснимого сожаления (ведь она не смогла спасти очередного члена команды); однако на сей раз в её голосе чувствовалась и некая интонация убежденного вдохновения, что она наконец-то приблизилась к страшной разгадке.

Итак, истинная причина жуткой смерти в общей сложности была установлена. Как не удивительно, она полностью совпала с устойчивым мнением, изначально зародившимся у Оксаны. Теперь пора переходить к проблемам насущным, а значит, въедливой сыщице надлежало поинтересоваться, зачем же именно её разыскивал взволнованный доктор.

– Вы мне что-то хотели сказать, Док?

– Да, да, конечно, – оживился медицинский специалист, закончив с непосредственными обязанностями, – я кое-что нашёл, но как рассказать, даже не представляю – лучше увидеть, – он махнул правой рукой, приглашая на выход, – дело необычайно странное и, по-моему, не терпящее никаких отлагательств. Мне кажется, оно напрямую связано с нашим таинственным незнакомцем, так что безжизненный труп профессора можно пока оставить здесь – думаю, за несколько минут с ним ничего не случится? – а как закончим, я его обязательно уберу.

Они вышли из крохотного кубрика, но идти им пришлось не так далеко: доктор толкнул дверь соседней каморки. Она оказалась не заперта, а её распахнутая створка открыла доступ в комнату пропавшего Григоровича. Не останавливаясь на достигнутом, Джордан рассказал, что же явилось конкретной причиной столь пристального внимания.

– Суть такова, – начал он, остановившись посередине непросторного помещения, – около часа назад я проходил по общему коридору. Вдруг! Мой излишний интерес привлекло то странное положение, что дверь сюда остаётся незапертой и чуть-чуть приоткрытой. Естественно, нестандартная особенность показалась мне необычной. Почему? Как правило, нежи-

лые отсеки всегда находятся в запертом состоянии, потому что, как всем известно, учёная профессура старается хранить собственные тайны достаточно ревностно.

– И конечно же, серьёзное расхождение стало вам интересно, – предположила Бероева, произведя внимательный осмотр и заметив торчавшую из-под кровати металлическую трубу; она уже несколько не сомневалась, на что именно Майкл ей сейчас укажет.

– Совершенно верно, – подтвердил американский специалист, умудрённый немалым жизненным опытом, – когда я оказался внутри, мне моментально бросился на глаза продолговатый конец стального предмета, выглядывавший из-под спального ложа. Ты видишь его, милая Ксюша?

– Разумеется, – понимающе кивнула российская сыщица.

– Тогда можешь достать, – настоятельно потребовал Джордан.

Заинтригованная оперативница нагнулась и, потянув за металлическую основу, извлекла наружу чудной предмет, внешне похожий на большие ножницы, снабжённые удлиненными ручками и применяемые для перекусывания толстой стальной арматуры; единственным отличием являлось, что, вместо резавших частей, здесь устанавливались две вытянутые продолговатые рамки, расположенные друг против друга, от которых, соответственно вверх и вниз, отходили железные клинья, по форме напоминавшие остроконечные звериные зубы – в общем, представленная конструкция имела полную схожесть с волчьими челюстями, а вся её рабочая часть запачкалась жидкостью багрового цвета, выдававшей явное сходство с высохшей кровью.

– Это ещё не всё, – проговорил медицинский сотрудник, извлекая из дальнего конца два стальных снегоступа, напоминающих собой голую человеческую ступню (правда, намного больших размеров).

Даже при невнимательном рассмотрении становилось более чем очевидно, что на всех десяти концах так называемых пальцев имелись загнутые штыри, изображенные в виде могучих когтей; к обуви они крепились с помощью специальных кожаных ремешков. Пока Бероева примеряла их на тёплые сапоги, Джордан достал из-под пустовавшей кровати нечто, похожее на подобие огромной звериной лапы, снабженной мощными стальными крюками; последнее устройство походило на когтистую длань, удерживаемую с помощью обыкновенной полудюймовой трубы, приваренной со стороны предполагаемого запястья и имевшей в длину не более сорока сантиметров. Желая продемонстрировать её в деле, Майкл сделал резкое маховое движение, показывая, как оставляются отчётливые следы звериного нападения. В то же самое время Оксана экспериментировала со «звериными челюстями». Смыкаясь между собой, они создавали тот самый лязгавший звук, который она слышала, когда они вместе с О'Нилом осуществляли первый выход из основного комплекса зимовочной станции.

– Всё правильно, – констатировал зрелый доктор, наблюдая за производимыми несложными опытами, – именно так и разгрызались безвольные тела мёртвых уже людей. Однако вначале их всё-таки убивали острым ножом, а уже потом имитировали чудовищное нападение огромного зверя, вычищая из туловища любые намёки, способные указать, что сперва производилось губительное воздействие обыкновенного человека. Извлечённые останки, скорее всего, складывались в какой-нибудь целлофан, от чего создавалась обманчивая иллюзия, что они якобы съедены; спинную кожу раздирали железной лапой, по-видимому, ею же извлекался и головной человеческий мозг – она изображена своеобразной лопаточной формой, а мозговое вещество, как известно, представляет собой целостную структуру, в результате чего её незамысловатое применение позволяет основательно вычистить черепную коробку. Мою моему субъективному мнению, ужасные телесные повреждения наносились с одной, единственной, целью – запугать непосвящённых членов полярной зимовки.

– Целиком разделяю Ваше профессиональное мнение, Док, – осознанно согласилась Оксана, отложив опасный предмет и неприятно поморщившись.

Последнее, что Майкл извлёк из-под злачной кровати, был удлинённый брезентовый чехол, в котором предположительно что-то осталось. Американский медик немного его потряс, после чего на половое покрытие выпал остроконечный нож, напоминавший российскую финку, снабженную узким лезвием, и длинным, и прочным.

– Вот и загадочная шарада сложилась: все чудовищные орудия находятся в полном сборе, – сделала Бероева обоснованный вывод, – и ничего здесь нет ни мистического, ни схожего с бездумным животным. Все совершённые жуткие преступления – это омерзительное дело рук, исключительно человеческих.

Пока она делала несложные умозаключения, Джордан складывал обнаруженные находки в предназначенный для их хранения цилиндрический кожух; найденное оружие (как и следовало ожидать) разместилось там и удобно, и равномерно.

– В убранном состоянии его можно вынести наружу спокойно и не привлекая к себе избыточного внимания. Что я хочу сказать? Скрытное перемещение ужасных предметов становится делом и обычным, и ничем неприметным, – высказал Майкл здравую мысль, которая и так была очевидна, – тем более что уличный тамбур находится в пяти метрах от дверцы, ведущей в спальную комнатку Григоровича.

– Да, Док, здесь я, пожалуй, с Вами всецело согласна, – подтвердила Оксана, что и сама она склонилась к уместному пониманию, – но сейчас надо подумать, где «убийственное хозяйство» покамест надёжно припрятать? По-моему, удобнее всего его разместить у Вас, в лекарственном морозильнике. Всё равно туда криминальный труп убиенного геолога нужно снести, заодно и кошмарные железки, под шумок, перетащим – непринужденно и не вызывая ничьих подозрений. Лично мне кажется, рано пока открываться, что нам уже всё известно, – Вы так не считаете, Майкл?

– Я мало разбираюсь в оперативной работе, – произнёс американский врач, на секунду задумавшись, – и готов, Ксюша, подчиняться любому профессиональному указанию. Единственное, мне хотелось бы уточнить: а не думаешь ли ты, что именно я могу быть причастным ко всем ужасным убийствам и что, выдавая сейчас преступные орудия, я преследую некий таинственный умысел?

– Говоря Вашими словами, Док, такой возможности я несколько не исключаю, – не стала хитрить Бероева, – ни в чём нельзя считаться уверенной – положенное время всё расставит по нужным местам и покажет нам кто настоящий друг, а кто подлинный враг. Пока мы собираем голые факты, а детальные выводы будем делать потом. Засим содержательный диалог предлагаю закончить. Давайте побыстрее здесь уберёмся и отправимся ужинать, потому как для следующего мероприятия нам нужно основательно подкрепиться... у меня созрел некий конструктивный план, а осуществим мы его непременно нынешней ночью, – поделилась она созревшей идеей и, не вдаваясь в дополнительные подробности, перешла к задачам насущным: – Вы отправляйтесь за трупным мешком, а я буду ждать Вас в комнате скончавшегося ученого.

«Как знать? Не оказалось бы слишком поздно?» – проворчал медицинский специалист, направляясь выполнять пустячное поручение. Когда он вернулся, плутоватые заговорщики переместили мёртвое тело в чёрный пакет; в него же они спрятали и найденные орудия безжалостных преступлений. Закончив с непродолжительной упаковкой, вещественные доказательства (без привлечения посторонних) переместили в холодное помещение станционного медкабинета.

Глава IX. На Северный полюс

Ужинать на зимовочном комплексе садились ровно в двадцать часов. Перетаскивая и покойного профессора, и зловещие инструменты, замешкавшиеся оперативница с доктором чуть опоздали и прибыли в столовую, когда отужинавшие люди уже поднимались и покидали невместительное, неширокое помещение.

– Вы где задержались? – деловито поинтересовался О’Нил, заканчивая с пищевым насыщением и допивая горячий чай. – Я начал беспокоиться: не случилось ли с вами чего?

– Произошло, но не с нами, – бойко отвечала кареглазая девушка, начиная ловко орудовать металлической ложкой. – Геолог Веремчук скоростижно скончался – пришлось его убирать.

– Убит? – поинтересовался американский агент, придав озабоченному лицу выражение, как будто случилась первая смерть во всей его жизни.

– Пока неизвестно, – удрученно заметила московская сыщица, заранее договорившись с Джорданом, что до поры до времени никто из них не будет распространяться об истинных причинах кончины учёного, – надо дожидаться посмертного вскрытия – оно всё покажет. От себя скажу – в ходе визуального осмотра видимых признаков насильственной смерти на покойном теле не обнаружено.

– Но как, Ксюша, вам стало известно? – продолжал допытывать Джонни, выражая всё большее удивление. – Ведь научные деятели предпочитают наглухо запираяться, а чтобы к ним попасть, обычно приходится чересчур постараться.

– Дверь в его комнату осталась чуть приоткрытой, – не моргнув и нахальным взглядом, разъяснила Оксана, энергично уплетая гречневую кашу, приготовленную на ужин, – именно неестественный признак и привлек мое крайнее любопытство. Захожу я, значит, в профессорский кубрик – хват! – а он валяется без признаков жизни. Разумеется, я сразу же вызвала Дёба, а он, внимательно осмотрев геолога, констатировал внезапную смерть. Впоследствии пошла обычная процедура: целевое хождение за прочным пакетом, плановая загрузка безжизненного трупа в мешок, а следом неспешная переноска в морозильное помещение – все это вкупе и стало безгрешной причиной нашей непреднамеренной, зато понятной задержки.

– Но почему вы не позвали меня? – не унимался фэбээровец в сомнительной недоверчивости, чрезмерной активности. – Мне тоже было бы интересно осмотреть как мёртвое тело, так и место нового происшествия.

«Потому что ты «американский шпиён», Джонни», – подумала про себя Бероева, вслух же проговорила, продолжая строить наивную дурочку:

– Очень хотелось кушать, поэтому решили управиться побыстрее и дополнительно никого не тревожить. Веремчук уже старый, а смерть вроде бы ненасильственная. Мне думается, он, скорее всего, не перенёс тех ужасных потрясений, что свалились на северную станцию за последнее время – вот слабое сердце у него и не выдержало. Необъяснимое исчезновение Григоровича, опять же, могло спровоцировать какой-нибудь «неприятенький рецидивчик».

Объяснение казалось логичным, и О’Нил сделал вид, что спокойненько проглотил предложенную наживку; однако по его сумрачному лицу (если брать во внимание весь период обстоятельной болтовни) нет-нет да и пробежала чёрная тень недоверия, которая, как оно и положено, не ускользнула от зоркого глаза опытной сыщицы.

– Может, всё-таки проведём следующую ночь, что называется, вместе? – Джонни продолжил соблазнять неуступчивую красавицу, меняя основную тему и желая, по-видимому, поглубже усыпить недостаточную (по его мнению) бдительность российской коллеги.

– Раздобудешь весенних подснежников – и тогда без вопросов! – не отобразившись ни саркастической иронией, ни лёгкой улыбкой, произнесла лукавая оперативница без тени смущения и говоря на полном серьёзе. – Пока же можешь только мечтать.

Обычно, после недвусмысленных слов, бесперспективные разговоры принято прекращать – отштытый американец не стал особенным исключением, а поднявшись с узенькой лавки, обозначился недовольной гримасой и неторопливо направился к выходу. Проявленной реакции Оксане словно только и было нужно: быстренько расправившись с аппетитной едой, она, воспользовавшись, что они остались в непросторной столовой вдвоём, приблизилась к доедавшему доктору и чуть слышно ему прошептала:

– Не ложитесь сегодня спать, Док, и будьте настороже: нам предстоит повернуть одно небольшое, но очень занятное дельце.

– Хорошо, – ответил тот, хорошо себе представляя, что загадочное поведение может сейчас означать (он понимал – либо хитрющая оперативница всесторонне ему доверяет, либо она подвергнет его какой-то страшной проверке).

Непринужденно договорившись с податливым доктором, Бероева пошла искать другого, нужного ей, человека – в свете последних событий пообщаться с ним возникла острая, просто настоящая, необходимость. Она выловила его в центральном коридоре, когда тот направлялся в общую комнату отдыха, чтобы закончить унылый вечер за баночкой холодного пива и за бессмысленным просмотром видеофильмов. Нетрудно представить, требуемый персонаж оказался не кем иным, как поднаторевшим специалистом в области технического обслуживания тракторов-снегоходов. Напустив на себя излишней таинственности, настороженная сыщица зазвала Сергея в поповский кубрик, где сразу же объяснила ему предпринятую предосторожность.

– Послу-у-шай, – начала она как бы издали, заговорщицки понизив голос до лёгкого полупшепота, – ты чем собираешься заниматься нынешней ночью?

– Как и обычно, – недоверчиво ответил смущённый механик, не понимая, чего от него понадобилось очаровательной полицейской, – спать буду... наверное.

– Почему, наверное? – моментально ухватилась Бероева.

– Потому что, я думаю, – попытался Решетов разгадать туманные замыслы, – Вы собираетесь дать мне какое-то важное поручение, иначе не позвали бы под самым огромным секретом.

– Хм, а ты сообразительный, – удовлетворенно заметила сотрудница МУРа, без длительных предисловий решившая перейти к основному делу, – у меня к тебе будет дельное предложение?

– Я так и предположил – говорите.

– Сможешь ли ты управлять автобусным снегоходом?

– Без сомнения, – говоривший парень взял короткую паузу, а чуть поразмыслив, возбуждённо добавил: – Куда нужно ехать?

– Туда, куда обычно ездят «засекреченные» исследователи, – прошептала прекрасная собеседница, оглядываясь по сторонам, будто бы опасаясь, что их сумеют подслушать, – как думаешь, сможешь найти то тайное место?

– Легко! – без тени смущения отвечал молодой механик. – Вы спросите: как у меня получится? – поинтересовался Сергей, увидев вопросительное выражение, возникшее в ясных глазах московской оперативницы. – Все очень просто: тракторный снегоход предоставлен российскими МЧС и смонтирован по последнему слову современной науки и механической техники. Если говорить проще, внутри него имеется достаточно основных приборов, необходимых для правильной навигации. Ежели принять во внимание, что пространственные координаты и отправной и конечной точки занесены на постоянной основе, то автоматизированной машиной можно даже не управлять – на вмонтированном автопилоте она привезёт нас, куда ей заказано.

– Действительно? – неподдельно удивилась российская сыщица. – Это значительно облегчает насущную, хотя и непростую задачу. Ты как, готов сегодняшней ночью чутка прокатиться и самолично выяснить: зачем мы здесь все находимся и что же является той страшной и жуткой тайной?

– Разумеется, – ни на секунду не усомнившись, согласился Решетов с неожиданным предложением, – уж лучше быть вместе с Вами, чем сгинуть в лапах невиданного доселе злого животного.

– Кстати, – напоследок разъяснила Оксана, – никакого таинственного «зверюги» больше не существует, а значит, опасаться надо живых людей, обитающих на зимовочной станции, – убеждённо заверила и перешла к основным инструкциям: – Сейчас можешь отправляться смотреть телевизор, но, едва все начнут расходиться, тут же дуй в личную комнату и, кроме меня, никого не впускай – как бы сильно тебя не просили! И ещё одно обстоятельство: до моего прихода ничего не пей и, конечно, не ешь – всё ли тебе понятно?

Услышав однозначные заверения, поступившие от завербованного соратника, Бероева, пропуская его вперёд, покинула пределы небольшого расположения. Для большей конспирации сразу разъединившись, они поочередно прошли в общественный зал, предназначенный к вечернему отдыху. Оказавшись внутри, они скоротали лишнее время в спокойной, ни к чему не принуждающей, обстановке и сидели там, пока у других участников экспедиции не началось всеобщее погружение в глубокие, беспробудные сновидения. Когда около двадцати двух часов все разошлись по занимаемым кубрикам, туда же, следуя основному плану, отправились и российские заговорщики. Ещё два часа терпеливо дождались, пока непосвящённые зимовщики вконец не заснут.

Одиночные брожения в центральном коридоре давно уже прекратились. Проверив исправность боевого оружия и запасшись второй обоймой, а также дополнительной россыпью, Оксана тепло оделась и вышла наружу; она напрямую направилась к частично опустевшему кубрику, где квартировал техник-механик Решетов (раньше он жил с убитым братом). Постучав условленным стуком, доблестная брюнетка вызвала того в коридор, после чего вдвоем они направились в приёмное помещение медицинского кабинета, где должен был дожидаться доктор Джордан, полностью собранный и готовый на выход. Как и договаривались, Майкл ожидал затейливую оперативницу, экипированный для выдвижения в непривлекательный путь. Едва завидев вошедшую сыщицу и завербованного члена команды, он бодренько заспешил, одевая и зимнюю куртку, и тёплую шапку. Итак, сплочённые соратники совсем уже собирались покинуть лечебное помещение, как на пороге столкнулись с молодым российским радистом, носивший имя Магомед Алиева. Он обязан нести суточную службу с девяти часов вечера, сейчас же держался правой рукой за левую, по окровавленной ладони которой медленно, но уверенно струилась багряная жидкость, временами отдававшая ярким, едва ли не алым оттенком.

Двадцатидвухлетний парень, он чередовал дежурную вахту с американцем Биллом Уоркеном. Обращая внимание на примечательную внешность, стоит выделить следующие отличительные черты: громадное телосложение мало чем напоминало ту немужественную профессию, к какой он себя причислил, – мощная фигура представлялась внушительной и отличалась спортивной комплекцией; неуклюжая походка чем-то напоминала медвежью; лицо юное, почти детское, не отличалось особенной привлекательностью – оно выглядело и овальным, и излишне вытянутым; чёрные глаза, под цвет густым волосам, смуглая кожа и прямой, с маленькой аккуратной горбинкой, нос, выдавали очевидную принадлежность к кавказской национальности. Одетым он оказался в военную форму, отличавшую элитные подразделения специального назначения.

Нежданное появление раненого радиста, воочию увидевшего троих заговорщиков, экипированных для выхода в холодную стужу, могло спутать все грандиозные планы, разработанные и основательно, и чётко, и тщательно (ну и что, если пока он был обеспокоен повреждённой

рукой, потом у него могли появиться вопросы и дополнительные, и совершенно ненужные). В общей сложности так оно и случилось. Едва столкнувшись на краю лечебного лазарета и едва увидев доктора Джордана, одетого в утеплённые вещи, Алиев неподдельно удивился и разом осведомился:

– Вы куда, мистер Майкл? Надолго?.. А я к Вам с серьёзной бедой.

Английский медик переглянулся с Бероевой – та опустила верхние веки и, чуть задержав в закрытом положении, вернула обратно. На всех иностранных языках продемонстрированный жест означает одно и то же – условленный знак согласия; во всяком случае, не говоря ни единого слова, сметливая девушка прекрасно давала понять, что согласна на вынужденный осмотр и сопровождавшие медицинские процедуры.

– Ну и... что тут у нас? – придиричиво обозначил Майкл, подхватывая повреждённую руку и начиная рассматривать широкую рану.

– Взятся оголять отпаянный провод, – виновато пояснил Магомед, пока искушённый врач раздевался, – от чрезмерной нагрузки у нас подобные казусы периодически происходят. Ремонтируя, изоляционную оплетку я держал двумя пальцами, а оголяя медные кончики, направил подручный нож почему-то вовнутрь, а не, как обычно принято, от себя. Печальные события не заставили долго ждать: я немного не рассчитал очередного движения, вследствие чего острое лезвие соскочило и хорошенечко меня полоснуло. Потекла обильная кровь, я попытался её остановить, но... как видите, мои старания не увенчались желанным успехом.

– Ложись на кушетку, – приказал Джордан, указывая на хирургический стол.

Как только послушный парень исполнил строгое указание, умелый доктор перетянул поражённую руку медицинским жгутом, наложив его несколько выше левой ладони, а затем набрал лекарственных жидкостей, наполняя два разных шприца.

– Почему два укола, Док? – приподнимаясь на обоих локтях, выдал внутреннее беспокойство дежурный радист. – Обычно делают только один.

– Чтобы сильное кровотечение быстрее остановить, – не задумываясь, соврал искусный американский медик; он так и продолжил наполнять обе ёмкости. – Не переживай, – придал он голосовым интонациям шуточный оттенок, – если что, здесь присутствует российская полицейская, – имелась в виду Бероева, – и мне, собственно, будет не отвертеться.

Хотя успокоительное изречение и говорилось полушутливым тоном, но оно частично содержало в себе печальную истину, то есть едва первый раствор ввелся под кожный покров, как Алиев в ту же секунду стал медленно засыпать.

– Почему, док... тор?.. – только и успел он произнести, как трезвое сознание полностью отключилось.

– Всё ли с ним будет в порядке? – поинтересовалась Оксана, как только он засопел, передавая, что погрузился в сонное состояние.

– Да, – заверил медицинский специалист, – через шесть-семь часов он непременно проснётся... нам ведь сейчас радиостанция не понадобится? – сказал он то ли в шутку, то ли всерьёз.

– Нет, – заерзала неусидчивая оперативница, понимая, что неурочное время плавно натягивается, – давайте лучше, Док, побыстрее заканчивайте: у нас, не забывайте, есть дело, более важное.

Далее, Джордан быстренько зашил широкую рану, применяя привычные навыки, накопленные за долгие годы хирургической практики. Закончив несложную процедуру, он оставил спавшего радиста на врачебной кушетке, сам же, «не откладывая в долгий ящик», закутался в тёплую куртку и не преминул поставить в известность, что успешная операция завершилась.

– Всё, я готов – можно немедленно выдвигаться.

Не встретив в пустом коридоре никого, кто бы их впоследствии выдал, осторожные заговорщики успешно миновали разделительный тамбур и оказались на северной улице. Завы-

вавшая пурга кратковременно прекратилась; сквозь редкие облака проглядывал сумрачный полумесяц, начинавший потихонечку убывать и окутанный какой-то непонятной, если и не загадочной дымкой. Иногда ночное светило показывалось полностью, и тогда, в те коротенькие мгновения, его свет представлялся настолько ярким, что можно было передвигаться, даже не пристегиваясь к стальному пути. Когда неполная луна заходила за набежавшие облака, то вся полярная округа погружалась в сгустившийся мрак, сплошной и непроглядный, в чём-то мрачный, а где-то немножко пугавший. Особо решили не рисковать и двигались по принятому маршруту. За каких-нибудь двадцать минут, глубоко утопая в свеженанесённом снегу, они обошли по полукругу весь зимовочный комплекс и очутились перед российским достижением науки и техники. Впечатлённому взору предстал удивительный снегоход-автобус-трактор, работавший на дизельном топливе. Он окрашивался в красно-белые цвета МЧС; на вид представлялся своеобразным зубилом, с передней части сведенным на конус (здесь же располагался V-образный двигатель, а снизу крепились две широкие, короткие лыжи); задняя часть обеспечивалась двумя эластичными подвесками, снабженными железными гусеницами. В основном механическая конструкция рассчитывалась на перевозку двенадцати человек, но, помимо прочего, в ней находился отдельный отсек, предназначенный к транспортировке вспомогательных инструментов и негабаритных, незначительных грузов.

Через пассажирскую дверь (она, и действительно, оказалась незапертой, помещалась между передними лыжами и противоположными гусеницами и монтировалась с правой части необычного снегохода) отважные зимовщики беспрепятственно оказались внутри. Перед стартовым запуском Рёшетов убедился в общей работоспособности и обстоятельно выяснил, что с последнего запуска дизельный двигатель остыл окончательно. Пробовать его завести без дополнительного прогрева – бесперспективное дело, лишённое всякого смысла. Сознательно идя на временную задержку, опытный специалист проделал необходимые процедуры. Далее, хотя и тяжело, но с применением совместных воздействий электрического стартера и сжатого воздуха, подогретый движок сделал три-четыре холостых оборота. И вот! Он успешно завёлся. Доведя механический агрегат до нужной температуры, Сергей убедился, что выставленные координаты не претерпели никаких изменений (их он кстати успел запомнить, когда проводил каждодневное техническое обслуживание). Включив первую передачу, Рёшетов, отлично разбиравшийся во всяких нюансах, принудил современный снегоход к автоматическому движению. Во время следования можно было, конечно, бесцельно глазеть по окнам, но неоправданное, тупое занятие не несло с собою никакого здравого смысла: снаружи виднелась лишь чёрная пустота, разбавляемая белым цветом лёгкого снегопада, крутившегося в набегавших вихрях и наносимого спонтанными порывами студёного ветра (видимо, арктический циклон заходил на повторный круг, словно бы набирая силу и намереваясь снова ударить мощной и беспросветной стихией). В настоящий момент непогода считалась приемлемой и позволяла высвечивать автомобильными фарами недалёкое расстояние, чуть превышавшее шесть метров вперед (хотя оно и не являлось достаточным, но в неприхотливых условиях Северного полюса считалось нестрашным – навряд ли среди ровных покровов вечного льда нашлось бы какое-нибудь непредвиденное препятствие?).

До конечного пункта пришлось проехать чуть более пяти километров, прежде чем дружные соискатели достигли желаемой местности. Что прибывают, они поняли метров за сто, оставшихся до конца недолгого путешествия, когда спутниковый навигатор уверенно указал на скорое приближение к намеченной цели; по достижении он самостоятельно произвёл мгновенную остановку. Сергей заглушил тарахтевший двигатель, работавший на холостых оборотах, и трое заговорщиков, заинтригованные, выбрались из вездеходной машины наружу. Как уже говорилось, вокруг стояла сплошная темень, а ещё и снова начинала сгущаться «чёрно-белая» мгла. Первый шаг, сделанный в жуткую пустоту, заставил Бероеву осознать, что они находятся на пороге продольного углубления, следующего прямоиком под полярную ледовую толщу.

Нерасторопная, она поскользнулась, неуклюже упала, а дальше свободным ходом поехала вниз, небыстро спускаясь по гладкому склону. Через десять метров полученное ускорение сгладилося кулоновской силой трения, и скользившая девушка сумела замедлиться, а затем и вовсе остановиться. Вокруг не было никого из живых, а присутствовала одна лишь мрачная пустота. Бесстрашная оперативница, никогда не позволявшая себе раскисать, по-быстрому поднялась и громко крикнула остальных.

Когда зажглись электрические фонарики, прямо перед собравшимися людьми возникла дивная полукруглая ниша, плавно углублявшаяся под лёд; она имела размеры, равные двум метрам в ширину, почти три в высоту и неведомо сколько в длину. Готовые ко всему, храбрые путешественники смело шагнули в тревожную неизвестность. Оксана предусмотрительно сняла меховую варежку и засунула правую руку под верхнюю куртку, где цепко обхватила тёплую рукоятку табельного оружия, предполагая, что в любой момент извлечёт его наружу и начнёт вести прицельный огонь во всякую враждебную сущность – пусть только она покажется впереди! Как и следовало ожидать, вход в ледовую выбоину не виделся целиковым: его основательно занесло скопившимся снегом (научный состав экспедиции расчищал себе неширокий проход, необходимый, для того чтобы беспрепятственно оказаться внутри).

Когда российско-американские путники преодолели двадцатиметровую преграду, спрессованную из нанесённого снега, то, ко всеобщему удивлению, оказались в огромной пещере; сама она наискось углублялась в огромную толщу северного ледяного покрытия. Остановившаяся на основных параметрах, в ширину она простиралась на двести пятьдесят метров, в высоту – всего на пять, в длину же образовывала протяжённый тоннель, глубокий и тёмный, не имевший и ни конца и ни края. Предположительное суждение напрашивалось само по себе. Почему? Подсвечивая карманными фонариками (здесь непогода не мешала распространению света), арктические исследователи более чем отчетливо разглядели, как электрические лучи, не упираясь ни в какую преграду, уходят в далёкую чёрную пустоту и постепенно бесследно там растворяются.

Вдоволь насладившись созерцанием неестественных объёмов странного углубления и следуя дельным рекомендациям известного классика «"помясь" усердно Богу», все отправились в дорогу. До искомой цели пришлось пройти почти километр, прежде чем перед взволнованными заговорщиками возникла необъятная металлическая преграда, полукругом продолжавшая уходить в глубокую, бескрайнюю бесконечность... Сомнений не осталось – это был космический корабль инопланетного производства! Различая характерные особенности, напросились следующие конкретные выводы: во-первых, основная часть внешнего корпуса походила на две тарелки, соединенные вместе и выпиравшие днищами; во-вторых, и сверху и снизу имелись полукруглые выпуклости, где нижняя предназначалась как для пешего входа, так и ручной загрузки негабаритных материалов (когда летательный аппарат пробил ледяную семиметровую толщу, она погрузилась под студёную воду), а верхняя, окруженная прозрачными иллюминаторами, использовалась для внешнего обзора и общего кругозора (тарельчатой серединой она застряла в извечных льдах); в-третьих, именно в той части, что находилась сверху, деятельными землянами, используя активную помощь теплового луча, прожглось приемлемое отверстие, служившее для беспрепятственного прохождения внутрь.

Справившись с величавым оцепенением, торжественно их всех захватившим, трое заговорщиков поделились первыми впечатлениями. Вне всяких сомнений, ошеломлённое молчание нарушила представительница прекрасного пола:

– Все видят то же самое, что и я?

– Это, смотря, что именно ты сейчас рассмотрела? – неуверенно проговорил не менее ошарашенный Джордан. – Лично мне кажется, пред нами возникло нечто, похожее на «летающую тарелку», и притом явного неземного происхождения. Однако научно доказано, что на

Северном полюсе, при сравнительно низких температурах – так же, впрочем, как и в жаркой пустыне при очень высоких – возможны зрительные галлюцинации.

– Да?.. Действительно? – поднимая изящные брови и скидывая мешающий капюшон, язвительно усмехнулась Бероева. – Я слышала, для их коллективного возникновения требуются некие определяющие условия, например: длительное голодание, водное истощение, общие измышления – и это как минимум! Кроме последнего, остальных признаков мы пока лишены, в связи с чем я настоятельно предложу – отбросить малодушные сомнения и смело следовать дальше.

– Но мы ведь не знаем, что поджидает внутри, – справедливо заметил третий член однодушного экипажа, сверх всего прочего отличавшийся технической частью познаний, – вдруг там губительная радиация или, может, какая-то замаскированная ловушка?

– Вполне возможно, Ксюша, – согласился Майкл с опасливым утверждением российского техника, – я бы не советовал напропалую рисковать и бездумно заходить, как следует не разведав. Никому не известно, какие нас впереди ожидают непривлекательные сюрпризы.

– Нет, – убежденно и наполняя изумительные глаза невероятным энтузиазмом заявила несравненная (во всех смыслах) оперативница, полностью убеждённая в нахлынувших мыслях, – мы обязательно туда войдём и непременно узнаем: что именно скрывают от нас «любезные» господа учёные? Тем более что они как-то ведь проникают, и осуществляют ежедневные прохождения целенаправленно и совсем безбоязненно. Скажу по-другому: а не за этим ли, дорогие соучастники, мы с вами сюда и приехали? Короче, все слабовольные сомнения в сторону: мы идём знакомиться с непостижимой загадкой, предоставленной если и не самой Вселенной, то инопланетным разумом – это уж точно.

Следуя непререкаемому пожеланию сотрудницы МУРа, слаженные заговорщики одновременной поступью вступили на тарельчатую окружность, в длину имевшую двадцать метров и сравнявшуюся с ледовым дном углубления. Преодолев её твёрдым, уверенным шагом, они вошли в святая-святых таинственной экспедиции – внутрь инопланетного межзвездного аппарата.

Глава X. Пришельцы

В то же самое время в оставленной ими полярной зимовке О'Нил, размышляя над странным поведением российской коллеги, неожиданно наткнулся на дельную мысль, что она, возможно, втайне от него чего-нибудь замышляет (между двумя странами всегда существовали натянутые отношения, а заодно и некое непримиримое идеологическое противостояние) – специальный агент не мог допустить, чтобы не в меру активная девушка (пускай и невиданно бесподобная!) обошла его в спорных вопросах, напрямую связанных с американской «нацбезопасностью» (к чему на далёкой Родине относились очень ревностно и слишком серьезно). Взволнованный фэбээровец так и не сумел беспечно уснуть и неумолимо ворочался то в правую, то в левую стороны. Не выдержав тяготивших сомнений и желая их немедленно разрешить, Джонни резко поднялся, быстро оделся и решительным шагом направился к поповской комнате, занимаемой сейчас эффектной брюнеткой: в тесном, полноценном общении он надеялся если ничего и не выведать, то хотя бы убедиться, что она ничего самостоятельно не прокручивает. Несмотря на то что было уже три часа ночи (беря неполярную), самое время, чтобы спокойно спать, бестактный американец настойчиво забарабанил по хлипкой двери, ведущей в малюсенькую каморку Бероевой; он создавал в спальном блоке неслыханный шум и неприятные звуковые эффекты. Безумное неистовство продолжалось на протяжении десяти минут. Постепенно из соседних кубриков «повыглядывали» взъерошенные головы недовольных членов полярной команды, но, увидев раздосадованного агента, они с приглушённым ворчанием тотчас же убирались обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.